

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Алтайский государственный университет»

Факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра теории и практики журналистики

**Специфика современной военной журналистики в условиях гибридной
войны (Портников VS Прилепин)**

выпускная квалификационная работа
(бакалаврская работа)

Выполнил студент
4 курса, группы 869
Зыкова Дарья Олеговна

(подпись)

Научный руководитель,
кандидат филол. наук,
доцент
Мансков Сергей Анатольевич

(подпись)

Допустить к защите
зав. кафедрой
Лукашевич Елена Васильевна

(подпись)

« ____ » _____ 2020 г.

Выпускная
квалификационная
работа защищена
« ____ » _____ 2020 г.

Оценка _____

Председатель ГЭК
Пашаева Ольга
Александровна

(подпись)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ	8
1.1. Специфика развития военной журналистики в России.....	8
1.2. Проблемы определения и специфика «гибридной войны».....	29
1.3. Роль военной журналистики в «гибридной войне».....	38
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЖУРНАЛИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПОРТНИКОВА И ПРИЛЕПИНА НА ПРЕДМЕТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ	47
2.1 Освещение вооруженного конфликта на востоке Украины российскими и украинскими СМИ (2014-2020 гг.).....	47
2.2. Гибридные элементы ведения информационной войны в военной публицистике Захара Прилепина.....	55
2.3. Гибридные элементы ведения информационной войны в журналистике Виталия Портникова.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	80

ВВЕДЕНИЕ

Военная журналистика является неотъемлемой частью информационного потока, охватывающего огромный пласт различных сфер жизни человечества. Мы имеем уже устоявшееся мнение, что средства массовой информации (СМИ) располагают возможностью оказывать влияние на сознание, мировоззрение аудитории. Военная журналистика в данном вопросе, вероятнее всего, наиболее ярко показывает данную тенденцию, так как именно из репортажей о горячих точках, политической аналитики и новостных сводок аудитория узнает о мировых событиях, определяет степень эмпатии к той или иной стороне конфликта. Используя информационные ресурсы и фактор доверия аудитории, СМИ могут формировать картину мира определенным образом, забывая о первоначальных задачах и функциях журналистики. Кроме этого, военная журналистика способна формировать настроения среди массовой аудитории, ослаблять или усиливать напряжение между конфликтующими сторонами, жертвуя этическими и профессиональными нормами, способствовать процессам умиротворения сторон или дезинформировать население.

Современная практика журналистики показывает, что в медиасферу проникает такое явление как «гибридная война». Зарубежные и отечественные исследователи, практикующие военные журналисты пытаются определить понятие и прийти к единому выбору. На данный момент единственное, что исследователи могут с уверенностью формализовать – это опасения по поводу воздействия на массовую аудиторию, неконтролируемые методы ведения «гибридной войны» и трудности в противостоянии этим механизмам. Тактика данного феномена предполагает уничтожение противника посредством всех возможных ресурсов и условий. Некоторые исследователи называют подобную тактику «мягкая сила», приписывая ей такие методы ведения войны как: мифологизация, дезинформация, подрывание культурных и социальных основ и устоев общества, а также распространение понятий «враг» и «друг» в среде мирного населения, то есть аудитории СМИ.

Актуальность выпускной квалификационной работы (ВКР) может быть обозначена

- 1) относительной новизной изучения проблемы «гибридной войны» и всемирной заинтересованностью данного феномена;
- 2) интересом международных сообществ к изучению механизмов ведения «гибридных войн», их классификации и выявлению способов противостояния данным методам.

В последнее десятилетие зарубежные и отечественные исследователи единогласно отмечают, что применение методов «гибридной войны» обладает существенным потенциалом, способным дестабилизировать геополитические и геоэкономические модели отношений, к тому же, вовлеченность в данные процессы медиапространства являет собой угрозу для более-менее устоявшихся отношений на мировой политической арене. В данном случае приходится рассматривать журналистику, в том числе гражданскую и военную, как один из основных акторов, вовлеченных в «гибридную войну». Соответственно объекты СМИ автоматически становятся предметом исследований по поводу их влияния на массовую аудиторию, ее поведенческие и психологические модели, мировоззрение и социально-культурное восприятие политических событий.

Объект исследования – военная журналистика в условиях «гибридного» конфликта на востоке Украины.

Предмет исследования – гибридные элементы воздействия на аудиторию в публицистике и журналистских материалах Портникова и Прилепина.

Цель работы. Определить роль военной журналистики в условиях «гибридной войны», выявить элементы воздействия на массовое сознание аудитории СМИ.

Задачи. Для достижения целей исследовательской работы мы поставили следующие задачи:

- 1) Сформулировать основные методы и критерии ведения «гибридной войны»;
- 2) дать целостную теоретическую интерпретацию данного феномена и его составляющих;
- 3) рассмотреть социокультурные основания гибридной войны и ее механизмов, которые могут оказывать воздействие на сознание граждан;
- 4) проанализировать эмпирические материалы, на основе которых сделать выводы о специфике воздействия журналистики на массовое сознание в условиях «гибридной войны»;
- 5) выявить характерные черты военной журналистики в условиях российско-украинских отношений (вооруженный конфликт на востоке Украины);
- 6) выявить гибридные элементы воздействия на аудиторию в материалах российского и украинского журналистов (Прилепин и Портников).

Степень изученности проблемы. На данный момент проблемой исследования понятия «гибридная война», и связанные с ним процессы, занято все мировое сообщество, определяющую роль в котором играют исследования США, Великобритании, России. Причем теоретические модели могут как совпадать по многим аспектам, так и кардинально отличаться, независимо от направления и политической принадлежности исследователя. Из них наиболее известны в данной области: Тоффлер Э., Расторгуев С. П., Арзуманян Р. В., Бартош А. А., Золотухин В. М., Родионов А. В., Месснер Е. Э., Буткевич С. А., Логинова Г. Е., Данюк Н. С., Филимонов Г. Ю., Хоффман Ф. Г., Цыганков П. А., Деер А., Galeotti М., Тренин Д., Ковалев А. А., Sebrowsky А. К., Garstka D. D., Kofman M. и прочие.

Эмпирической базой для исследования послужили материалы украинского журналиста Виталия Портникова и публицистика военного журналиста Захара Прилепина, а также интернет-издания украинских и российских СМИ: «Украинская правда», «Главком», «Интерфакс», «РИА Новости», «Новости Донбасса», «Lenta.ru» и др.

В результате исследования была выведена **научная гипотеза:** применение методов «гибридной войны» обладает существенным потенциалом, способным дестабилизировать геополитические и геоэкономические модели отношений, к тому же, вовлеченность в данные процессы медиапространства являет собой угрозу для более-менее устоявшихся отношений на мировой политической арене. В данном случае приходится рассматривать журналистику, в том числе гражданскую и военную, как один из основных акторов, вовлеченных в «гибридную войну».

Соответственно объекты СМИ автоматически становятся предметом исследований по поводу их влияния на массовую аудиторию, ее поведенческие и психологические модели, мировоззрение и социально-культурное восприятие политических событий.

Новизна исследования заключается в:

- 1) рассмотрение военной журналистики в качестве одного из основных методов ведения войны;
- 2) формируется новый образ военной журналистики, совмещающей в себе классические и конвергентные характеристики;
- 3) в исследовании проведен анализ журналистских материалов, на примере которых показаны способы воздействия на аудиторию.

Методы исследования. Выбор методов исследования обусловлен его междисциплинарным характером. В исследовании был использован широкий спектр методов интерпретации: стилистический анализ, риторический анализ текста, метод контент-анализа, метод семантического анализа. Использовались традиционные методы научного исследования, к которым относятся анализ, синтез, типологизация и т. п.

Теоретическая значимость результатов исследования отражается в возможности дальнейшего использования установленных и сформированных в данной работе терминов и классификаций для целостного определения и выявления элементов феномена «гибридной войны».

Практическая значимость результатов исследования в данной области может быть полезна студентам, обучающимся по направлению «журналистика», в качестве дополнительного методического материала по изучению предмета военной журналистики. А также практикующим специалистам в качестве перечня характеристик, по которым можно выявить и ликвидировать элементы «гибридной войны» в журналистских материалах.

Апробация работы. Основные идеи работы были представлены на VI междисциплинарной межвузовской конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Информационное пространство в аспекте гуманитарных и технических наук – 2017» (23 ноября 2017 г., Барнаул, Институт Массовых Коммуникаций Филологии и Политологии).

Структура и объем ВКР. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Первая глава подразделяется на три параграфа, в каждом из которых дается теоретическое обоснование проблематики исследования. Первый параграф содержит основные сведения и определения предмета «военной журналистики». Второй параграф посвящен новому явлению – «гибридной войне» и ее составляющим. В третьем параграфе военная журналистика рассматривается как один из механизмов «гибридной войны» и его влияние на массовое сознание граждан.

Вторая глава подразделяется на три параграфа. В первом параграфе дается общая и целостная динамика освещения вооруженного конфликта на востоке Украины российскими и украинскими СМИ. В двух последующих – рассматриваются ряд журналистских материалов и публицистических произведений, а также производится контент-анализ согласно критериям «гибридной войны», выявленным в первой главе.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

1.1. Специфика развития военной журналистики в России

Историю становления отечественной военной журналистики, согласно устоявшемуся мнению научного сообщества, следует относить к началу XIX века. Именно тогда начинает формироваться журналистика, официально сопровождающая вооруженные столкновения. До того момента, а именно до Русско-турецкой войны от 4 апреля 1877г., всевозможные упоминания вооруженных конфликтов запечатлены в рукописных изданиях – летописях и воинских повестях. О данном факте свидетельствует исследование доктора исторических наук Лютова С. Н., в котором описываются процессы жанровой трансформации дружинной летописи как главного информационного источника [Лютов 2010, с. 37]. Лютов С. Н. отмечает, что «воинская повесть» является ничем иным, как литературным произведением на стыке двух традиционных форм: «устных народных преданий о военных событиях древней русской истории и развивающейся книжности, как переводной, так и русской церковной» [Лютов 2010, с. 37]. То есть не является возможным считать его достоверным источником информации с точки зрения журналистики. Так как только информация, полученная на основе фактического материала и реального опыта, может считаться достоверной. С данной формулировкой также согласен основатель кибернетики Норберт Винер, который понимает информацию как «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств». В его понимании все жизненные процессы человечества обеспечиваются за счет правильной информации, которой мы располагаем в процессе жизнедеятельности [Винер 2001, с.14]. Таким образом мы подходим к основополагающей категории в военной журналистике – информации, ее роли в конфликте и отношении к ней со стороны журналистов, массовой аудитории и властных структур.

Стоит отметить, что в отечественной традиции к информации постоянно ощущалось особенное отношение. Военная журналистика никогда не была свободна: рукописи с ансамбля военных сражений не выходили за пределы воинского формирования, охраняемые там же под грифом «секретно»; печатные издания позднее предавались жесткой цензуре, как во время правления Петра I, так и при социалистическом режиме. Даже после прекращения существования СССР военная журналистика постоянно испытывала давление – прямое или косвенное – со стороны правящей силы.

Рассматривая процессы становления военной журналистики в России, позволительно опираться на временные рамки, обозначенные вооруженными конфликтами. В российской практике таковыми будут являться: Русско-турецкая, Русско-японская, Первая Мировая и Вторая Мировая войны, а также время «Холодной войны», Афганская, Чеченские и Грузино-Осетинские войны. Более подробно будет исследоваться специфика военной журналистики XXI века, так как именно этот период непосредственно связан с ролью журналистики в гибридной войне.

Таким образом, специфические черты российской военной журналистики стоит рассматривать, начиная с XIX века. В данный период еще не существовало военных газет и журналов, однако уже тогда, совпав с реформаторскими начинаниями Александра I, шла планомерная активизация печати, которая была обусловлена необходимостью распространения военно-научных знаний в офицерской среде. Причинами этому послужили предпринятые ранее Петром I попытки организации периодической военной печати, не имевшие продолжения и последователей [Белогуров 1996; Майкова 1969]. Вопреки данному факту, по мнению многих исследователей, именно «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» от 1802 года, а также прочие «журналы» петровского времени, являются прообразами привычной для нашего понимания военной прессы.

И все же отсутствие военных библиотек, которые бы обогащались отечественными исследованиями, печатными сочинениями российских полководцев (Н. А. Румянцева, А. В. Суворова, С. Р. Воронцова, П. И. Панина, М. И. Кутузова и прочих.), рукописи которых так и не были изданы на тот момент, замедляло темпы развития журналистики. Данный тезис подтверждают слова Кузьминского о том, что «военные вопросы были одними из первых, которые способствовали возникновению журналистики в России» [Кузьминский 1906, с.115]. В то же время европейский опыт показывал, что данные институты необходимы как военному, так и гражданскому обществу. Примечательно, что в отечественной военно-научной литературе преобладали переводы зарубежных полководцев и исследователей.

Образовать собственную библиотеку и выпустить первые периодические печатные издания военного толка Россия смогла только в первое десятилетие XIX века. Тогда в 1808 году при поддержке военного министра и генерала-инспектора артиллерии А. А. Аракчеева был организован «Артиллерийский журнал». Хотя инициаторами данного образования выступали сами артиллеристы, то есть опытные военные, которые и являлись авторами тематических материалов, потребность в выпуске журнала понимало и военное командование. Так как развитие артиллерии было непосредственно связано с пиротехническими, баллистическими исследованиями, а также новыми изобретениями в области литейного производства, считалось необходимым внедрение нового опыта в практическую и теоретическую подготовку данного рода войск [Кузьминский 1906, с.124]. И все же «Артиллерийский журнал» не являлся средством массовой информации в том плане, что его содержание и читательское предназначение не в полной мере соответствовало статусу СМИ, так как преимущественной аудиторией считалась армия, в основном, офицеры-артиллеристы. Руководствуясь данным опытом, издатели решили, что в

обществе появилась потребность в массовой печати и распространении ее на более широкую аудиторию.

Данным требованиям старался соответствовать отставной майор Н. А. Рахманов, когда в 1810 году начал издавать «Военный журнал», который бы включал статьи по всем отраслям военного дела, и мог быть полезен всей русской военной публике. Но, как и предшественник, журнал был ориентирован на офицерскую аудиторию, имел строго научный характер. Единственным отличием, которое можно было бы охарактеризовать как положительное для журналистики, – в «Военном журнале» начали печатать статьи о полководческом искусстве П. А. Румянцева, А. В. Суворова, а также публиковать документы, свидетельствующие о боевом прошлом армии. В остальном же, содержание практически не претерпело изменений: статьи о военной тактике, истории военных столкновений, разборы отечественных и зарубежных военных книг. В 1817 году редактором журнала стал Ф. Н. Глинка, при котором журнал все больше стал напоминать сборник литературных и научных произведений. Некоторые исследователи считают, что именно преобладание литературного, то есть упор на переводы греческих и римских историков, отсутствие здоровой критики и библиографии повлияли на утрату злободневности и своевременности, а, в конечном счете, и на закрытие издания.

Ситуация начала меняться в конце 1811 года, когда выпуск двух перечисленных ранее журналов был временно прекращен в преддверии войны. Тогда, как пишет Лютов С. Н., «противостояние Наполеоновскому нашествию, принявшее характер Отечественной войны, наложило отпечаток на развитие печати: при сокращении общего числа газет и журналов условия войны стимулировали развитие военной печати и военной журналистики» [Лютов 2012, с.7]. В подтверждение слов исследователя можно привести пример появления новых инструментов журналистского творчества – организацию пропагандистской печати и походной типографии. Вопрос активного использования печатного станка в интересах войны был открыт еще

до начала французского вторжения. Тогда военное командование России было обеспокоено информационным воздействием, которым обладал противник. Сведения о том, что уже в начале XIX века использовались инструменты ведения информационной войны, были подтверждены в исследованиях Волковского Н. Л., где он описал проекты военного министра М. Б. Баркляе-Толли [Волковский 2003, с.173-175]. За информационную поддержку российской армии взялись профессора Дерптского университета Ф. Э. Рамбах и А. С. Кайсаров. Именно они организовали первую походную типографию, которая в первый месяц военных действий наладила постоянный выпуск воззваний, агитационных листовок, а в июле 1912 года в свет вышла газета «Россиянин». Инициатива была поддержана и М. И. Кутузовым, который в августе того же года был назначен главнокомандующим русской армией. По его указанию был создан печатный орган, способный оперативно (насколько это являлось возможным на тот момент) доставлять информацию читателям. Редакцией «Известий из армии» занялись А. И. Михайловский-Данилевский и А. С. Кайсаров. Таким образом появился новый тип военного издания – армейская газета, которая транслировала события военной жизни, тиражировалась не только в рядах армии, но и в близлежащих к дислокациям губерниях.

Следующим военным журналом стал «Сын Отечества», выпускавшийся с октября 1812 года. Данное издание не позиционировало себя как армейская газета или специализированный журнал, но его организаторы создавали его с конкретной целью – мобилизовать общественное мнение на борьбу с французскими захватчиками [Маланчева 1992, с.2]. По содержанию журнал также не отличался от предшественников: включал хроники военных действий, перепечатки материалов «Известий из армии», патриотические тексты, карикатуры Наполеона, стихи, песни и прочее.

В феврале 1813 года П. П. Помиан-Пезаровиус начинает издавать газету «Русский инвалид», которая задумывалась как поддержка для благотворительного фонда помощи вдовам, сиротам и раненым солдатам.

Изначально газета была частным изданием, которое пользовалось популярностью и вызывало доверие у аудитории из-за ежемесячных отчетов о финансовой помощи инвалидам, а также перепечатанных новостей из иностранных изданий. В данном статусе «Русский инвалид» просуществовал до 1815 года, так как в следующем году с первого выпуска газета стала правительственной и сменила название на «Военные ведомости». Тогда же она получила исключительное право на печать официальных государственных документов и приказов военного ведомства. В пример другим газета просуществовала до 1917 года без перерывов в печати, несмотря на смену редакторов и наличие финансовых трудностей.

«Военные ведомости или Русский инвалид» – единственное издание военного толка, продержавшееся после прекращения Великой Отечественной войны 1812 года. Историк Кузьминский видит причиной данной тенденции нарастающие репрессии в отношении журналистики, начавшиеся в последнее десятилетие правления Александра I, которое по своему реакционному направлению вполне примыкало к эпохе Николая I [Кузьминский 1906, с.73].

Причинами медленного развития военной журналистики в двадцатых годах XIX века является очевидное отхождение от военной тематики ввиду окончания вооруженных конфликтов. Следовательно, гражданские деятели (или журналисты) теряют интерес к военной теме, а назначенный во главе редакции офицерский состав не обладает достаточным навыком выпуска периодической печати и журналистским мастерством. Образовалась ситуация, когда периодическая печать оказалась под контролем ведомственных структур, для которых характерно устанавливать ограничения на публикацию материалов, не допускать к печати частных или общественных инициатив. Среди таких ограничений Кузьминский выделил четыре, определявшие что «места в журнале сем иметь не могут: а) политика и все до оной относящиеся предметы..., б) споры о мнениях по каким бы то ни было предметам..., в) критика на существующие учреждения, д) всякая личная критика и антикритика» [Кузьминский 1906, с.74].

Подводя итоги в исследовании военной журналистики в первой четверти XIX века можно сделать очевидный вывод, что в данный период военная журналистика только начинает формироваться, но не приобретает статуса отдельного института. В то же время журналистика получает общественное признание, соответственно, почву для дальнейшего развития.

Во второй половине XIX века ситуация коренным образом меняется. Крымская война (1854-1856 гг.) и последующая за ней Русско-турецкая война (1877-1878 гг.) оказывают непосредственное влияние на формирование военной журналистики как самостоятельного института, с его специфическими особенностями и первыми законодательными актами, которые регламентируют журналисту профессиональное поведение в театре военных действий.

Приобретенный российскими журналистами опыт после Великой Отечественной войны 1812 года, предопределил отношение общественности к журналистике, а также появление «военных корреспондентов», которые обладают правом находиться в действующих частях армии и на территории военных столкновений. Необходимость информационной поддержки, развитие пропагандистских и агитационных кампаний понимало и военное командование, поэтому вооруженные силы Российской империи, в лице военного министра Д. А. Милютина, допустили в свои ряды представителей прессы в 70-х гг. XIX века. Хотя многие исследователи, в том числе О. А. Яковлев и В. А. Апушкин, указывают, что идейным вдохновителем подобных нововведений стал генерал от инфантерии Михаил Александрович Газенкампф [Апушкин 1903; Яковлев 1978]. Подтверждение указанных суждений находится в дневниковых записях самого генерала, где он пишет о порученном ему задании начальником полевого штаба генерал-адъютантом Непокойчицким о ведении журнала военных действий, составлении срочных донесений к Государю и управлении делами армейской печати. Там же Газенкампф излагает собственные соображения о допуске корреспондентов в действующую армию,

аргументируя их не только необходимостью информирования отечественной и иностранной общественности о событиях на фронте, но и пониманием того, что «если они (журналисты) не будут допущены в армию, то все-таки найдутся способы следить за ею издали и, не имея сведений достоверных, станут смущать русское общественное мнение и возмущая против нас читателей иностранных газет» [Газенкампф 1908, с.5].

Данные соображения были не безосновательны, так как опыт Крымской войны (1854-1856 гг). показал, что война ведется не только на фронте, но и на страницах печатной прессы, где и потерпело поражение русское командование, когда оказалось в «информационной блокаде». Все дело в том, что тогда журналисты еще не имели законных оснований и прав находиться в театре военных действий, так как подобное присутствие могло рассматриваться в качестве шпионажа, поэтому русская общественность располагала минимальным объемом информации с фронта, в то время как в иностранных сводках разворачивались дискуссии. Из немногочисленных газетчиков освещением событий Крымской войны занимался Н. В. Берг, который участвовал в обороне Севастополя и имел прямое отношение к армии – состоял в должности переводчика при штабе главнокомандующего. Его статьи публиковались в литературном журнале «Москвитянин» под редакцией М. П. Погодина [Боборыкин 1913; Берг 1858].

Аккредитацию, то есть официальный допуск в ряды военного формирования с учетом профессиональных обязанностей и ответственностью, журналисты получили 22 июля 1877 года, с началом Русско-турецкой войны [Волковский 2003, с.401]. Согласно приказу № 87 главнокомандующего был сформирован корпус военных корреспондентов, представителей отечественной и зарубежной прессы. Вместе с тем были выведены основы пребывания журналиста в зоне вооруженного конфликта, которые практически не изменились к настоящему моменту. Газенкампф разработал четыре пункта, согласно которым:

- запрещалось сообщать какие-либо сведения о дислокации и численности войск, в том числе распространять предположения относительно предстоящих действий;

- вменялось сообщать о каждом передвижении журналиста и доносить об этом в штаб армии;

- вменялось доставлять лицу, которое ответственно за армейскую корреспонденцию, все номера газет, где будет напечатана корреспонденция;

- вменялось иметь отличительный знак: «бляха из листовой меди с орлом, личным номером, надписью «корреспондент» и печатью полевого комендантского управления армии» [Апушкин 1902, с.199-200].

Данные предписания не были цензурными ограничениями в деятельности журналиста, хотя бы потому, что сам автор полагал учреждение цензуры невозможным [Погорелый 2002, с.22].

Несмотря на положительные изменения в пользу военной журналистики все еще остро стояла проблема непрофессионализма или неприспособленности русского газетчика к театру военных действий и трудности оформления корреспонденций по канонам информационного или аналитического жанров. О данной проблеме говорил историк Русско-турецкой войны В. А. Золотарев, который в своих исследованиях опирался на корреспонденцию журналиста Л. В. Шаховского. Он отмечал, что описательная сторона вопроса преобладала в текстах, но постоянно сводилась к перечислению раненых и погибших, перепечатке приказов, перечислению подвигов. За всем этим не было видно личности солдата, то есть образа, который мог привлечь читателя, и тем более развернутой аналитики событий на фронте [Золотарев 2005, с.197]. С последним суждением может поспорить историк С. А. Кочуков. В своих исследованиях он отмечает, что Л. В. Шаховской – один из первых, кто развернул идеологическую войну на страницах печатной прессы. Автор пишет о том, что журналист обязан был учитывать интересы русских читателей и одновременно «проводить и популяризировать официальную линию русского правительства на

Балканском полуострове» [Кочуков 2013, с.15-20]. С этой целью он уделял внимание османским солдатам, характеризуя их как «жестоких и кровожадных». В частности, не пренебрегал описаниями сцен после расправы над пленными, где мог расписать в ярких красках отрезанные головы и изуродованные тела. Русский солдат представлялся как спаситель «братьев по вере». В ответ на его корреспонденции иностранная пресса заявляла о преступлениях русского казачества на Дунае. И все же, исследователь Кочуков отмечает, что в статьях Шаховского есть место для излишней восторженности и приукрашивания реальных событий [Кочуков 2013, с.15-20].

В защиту журналиста Шаховского можно привести в пример ряд образов, которые появлялись в корреспонденциях Немировича-Данченко: противостояние своих и врагов, героический образ простого русского солдата, а также русская женщина – сестра милосердия [Новикова 2014, с.84-96]. Использование образов «друга» и «врага» в военной журналистике, влияние посредством описания преступлений и негативная характеристика противника – методы, которые использовали многие журналисты во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В их число можно включить также Н. В. Максимова, В. Крестовского, Н. В. Каирову, А. С. Суворина, В. П. Буренина, А. Д. Иванова, М. П. Федорова, Г. К. Градовского и других.

Однотипность журналистских материалов, которую активно критикует Золотарев в своих исследованиях, проявлялась не только в описании событий, в данном случае быть оригинальным не представляется возможным, но и в плане статей. В корреспонденциях журналистов В. И. Немировича-Данченко, В. Крестовского, Н. В. Максимова, А. С. Суворина явно прослеживалась схожая конструкция текста: сначала шло описание событий до 1877 года, затем рассказывалось об ужасах, быте и особенностях войны с Турцией, потом подчеркивались связи России с Болгарией и Сербией, и напоследок, каждый считал своим долгом указать на то, что журналисты никаким образом не чувствуют давление со стороны военных командиров. Мы предполагаем, что подобное явление связано с тем, что все журналистские материалы проходили

через Главный штаб и все же могли корректироваться. Или же журналисты выполняли миссию по подъему патриотических настроений по заказу главного командования или по собственной инициативе.

Еще одной значительной проблемой русской военной журналистики XIX века, которую отмечает Кочуков С. А., является статичность [Кочуков 2011, с.32]. Исследователь объясняет это явление тем, что русские журналисты проявляли пассивную позицию и вместо того, чтобы искать факты или события, ждали сведения, которые им предоставляли позднее военные. Достоверность данной теории сомнительна, но не лишена оснований, так как военные корреспонденты еще не освоились в профессии, в отличие от иностранных коллег, и зачастую находились не на передовой позиции, а в тылу или на второй линии войск. Сказывалось также и то, что отечественные журналисты не могли позволить себе секретарей и агентов (в отличие от иностранных представителей), которые бы собирали для них дополнительную информацию [Немирович-Данченко 1879, с.108]. В дополнение ко всему отечественные методы передачи корреспонденции были ограничены почтовой переправой, так как телеграфные линии еще не были освоены в стране.

Для российской военной журналистики XIX век оказался основополагающим, так как именно в этот период закладываются профессиональные требования и обязанности военного журналиста, которые с течением двух столетий практически не претерпели изменений, пополнившись дополнительными пунктами. А также оформляется законодательное обеспечение прав журналистов на войне. Российские военные корреспонденты приобрели нужный опыт в освещении военных событий, опираясь на умения зарубежных коллег. К сожалению, добиться равновесного уровня с иностранной прессой отечественной журналистике на тот момент не представлялось возможным. В то же время, в XIX веке формируются пропагандистские методы и способы ведения информационных войн с помощью формирования общественного мнения.

На развитие военной журналистики значительное влияние оказал XX век, так как именно тогда произошли значимые военные столкновения. Существенным также оказался факт технического развития в журналистской отрасли: появления телеграфа, телевидения, интернета, развитие концепций ведения информационных и гибридных войн, закрепление прав и обязанностей журналистов в законодательных актах мирового и локального масштабов.

Начало XX века предзнаменовала смену темпа в распространении информации и появление новых подходов к развитию отечественных СМИ благодаря появлению телеграфа и правительственного Торгово-телеграфного агентства в 1902 году по инициативе С. Ю. Витте [Кострикова 2010, с.146-147]. С 1900-го года оперативная газета заменяет традиционный для прошлого века литературный или энциклопедический тип журнала. Регулирование производилось согласно Уставу о цензуре, основанном на «Временных правилах о печати» 1865 г., который разделял все СМИ на подцензурные, подвергающиеся предварительной цензуре, и бесцензурные [Громова 2003, с.644-645]. Естественно, при таком положении дел правительственный бюрократический аппарат мог контролировать прессу и не допускать на ее страницы информацию государственной важности, к которой могли быть отнесены темы правительства, армии и администрации [Мякотин 1905, с.85-86].

Экономическое давление в большей степени оказывалось на частные провинциальные издания, так как все решения относительно функционирования прессы принимало Главное управление по делам печати в Петербурге. Из-за подобной системы военная корреспонденция понесла ущерб во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. Ввиду существенного отдаления военных частей от центра страны, военная корреспонденция доставлялась почтовыми путями, что предполагало временные задержки. Следовательно, поступившая в Петербург информация была уже не актуальной, а цензурные правки могли кардинально изменить смысл

корреспонденций. В дополнение к данным осложнениям явилась военная цензура, под которую попала вся пресса, выходящая в театре военных действий (Порт-Артур, Маньчжурия, Владивосток). Некоторые издания, например, «Новый край», «Дальний Восток», «Восточный вестник», контролировались сразу двумя уставами: сухопутным и морским [Прудкогляд 2000, с.124-125]. Поэтому содержание номеров обычно составляли перепечатанные приказы и телеграммы информационных агентств, редкостью были сообщения о городских событиях во время войны и собственные материалы газет по поводу крейсерских атак или обстрелов.

Как и в предыдущие войны отечественная военная журналистика уделяла огромное внимание формированию образа «врага» и «соратника». В отличие от Русско-турецкой войны, где турки представлялись жестокими противниками, образ солдат-японцев был переменчив в связи с динамикой военных действий. На страницах прессы появились упоминания о русских генералах, в частности Куропаткина А. Н., которого расхваливали консервативные издания.

Наполнение газет в большей степени состояли из информационных сводок, в меньшей – были представлены аналитические и публицистические материалы, которые в основном перепечатывались из центральных изданий страны. Цензура не допускала в печать собственных журналистских материалов, что не было тайной для местного населения. Об этом пишет в своих письмах жительница Владивостока Элеонора Лорд Прей [Элеонора Лорд Прей 2011, с.330]. К тому же распространять какую-либо информацию о войне посредством частных телеграмм также не представлялось возможным в связи с запретом от 13 февраля 1904 года [Смыкалин 2015, с.62]. Соответственно, в военной прессе нельзя было найти рассуждений о причинах войны и каких-либо аналитических материалов по поводу стратегии государства.

С началом Первой Мировой войны 1914-1915 гг. положение военных корреспондентов было осложнено несколькими факторами. Во-первых,

негативные настроения со стороны командования вновь препятствовали появлению прессы в рядах действующей армии. Об этом свидетельствуют дневниковые записки М. К. Лемке, служившего в Ставке Верховного главнокомандующего. В них говорится о том, что «на театр военных действий может быть допущено лишь двадцать военных корреспондентов», которым запрещалась «отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего» [Лемке 1920, с.125-132]. Опыт контроля со стороны военного командования прослеживается еще с Русско-турецкой войны, когда передвижения журналистов фиксировались в документации, и когда военный корреспондент допускался в ряды армии только с пакетом необходимых документов. Во время Первой Мировой требования к журналистам ужесточились, теперь «Временное положение о военной цензуре» от 1914 г. требовало полноценной аккредитации военного корреспондента. С этого момента шел жесткий отбор журналистов и фотографов военным командованием: помимо подписки об ознакомлении с требованиями положения и согласия подчиняться правилам, редакция газеты должна была внести залоговую сумму за корреспондента и фотографа за то время, что сотрудники проведут в армии [Волковский 2003, с.14]. В дополнение к этому положение предусматривало систему административных и уголовных наказаний за неподчинение требованиям.

Во-вторых, цензурные ограничения продолжали сокращать темы, которые могли освещать журналисты. Созданное в 1915 г. Бюро печати при Ставке Верховного главнокомандующего проверяло каждую корреспонденцию и не допускала к печати материалы, которые описывали ужасы войны, чтобы не смущать общественность. Вновь повторялась ситуация с нехваткой «живых образов», о чем говорят исследователи, ссылаясь на воспоминания В. И. Гурко, в которых он пишет, что «война не создала ни одного народного героя» [Гурко 2000, с.653]. Но проверенная схема противопоставления образов «друга» и «врага» работала – портрет противника зависел от состояния дел на фронте, его численности, поэтому враг

«сломленный» существовал параллельно с «хитрым и жестоким». Впервые на страницах появляется «образ толпы», в частности в очерке В. Гальского «Кровью омытое место». Корреспонденты в тяжелые месяцы делали акцент на экономической несостоятельности Германии, незаинтересованности германцев в войне.

В-третьих, государство взяло курс на создание тематических военных изданий, задача которых состояла в информировании населения, а также в лоббировании официальной позиции власти. Большинство из них носили «ура-патриотический характер, прославляя русское оружие, успешные боевые действия воинских частей и отдельных героев, замалчивая трудности и поражения и борясь с пораженцами из социалистических партий» [Ахмадулин 2008, с.130]. Журналистам запрещалось использовать частную корреспонденцию и контактировать с рядовыми солдатами.

В итоге вмешательство правительства в функционирование СМИ не позволило сформироваться полноценному институту военных корреспондентов, постоянно создавая препятствия в виде цензурных ограничений, или целенаправленной аккредитацией конкретных журналистов. Во многом подобная тенденция объясняется политической обстановкой в стране, общественным настроением.

Обратная тенденция наметилась в преддверии Второй Мировой войны, когда военная угроза стала очевидна для руководства страны, и уже к концу 1930-х годов началось интенсивное развитие института военной журналистики. Первым изменением стало возобновление печати артиллерийских газет и тематических изданий теоретического толка, таких как журналы «Военная мысль» и «Пограничник», газета «Красный флот». К началу 1940 года военная печать представляла собой сеть из трех центральных газет («Красная звезда», «Красный лот» и «Боевая подготовка»), 11 военных журналов, 30 армейских и окружных газет. На страницах прессы главной была оборонная тематика, так как реальных боевых действий на тот момент еще не существовало. Поэтому правительство пыталось подготовить массового

читателя, предлагая статьи о боевой подготовке армии, патриотические мотивы, разоблачения политиков агрессивных стран, активно проводя агитационные работы с призывами присоединиться к защите страны [Кузнецов 2002, с.240]. Печать поддерживала инициативу правительства и публиковала материалы военно-патриотической проблематики: рассказы о событиях в районе озера Хасан в рубрике «Герои Хасана», очерки о боях с японскими милитаристами в рубрике «На защиту Родины». Газета «Героическая красноармейская», ее редактор Д. Ортенберг, очеркист В. Ставский, а также писатели В. Славин, Б. Лапин, фотокорреспондент В. Темин, за журналистскую деятельность были награждены орденом Красной Звезды за патриотическую работу во время боев на реке Халхин-Гол [Пельт 1974, с. 80].

Характерным отличием можно считать появлением личности, персонифицированного бойца на страницах прессы. Таким образом в конце 1939 года, когда началась война СССР с Финляндией, литературный отдел газеты «На страже Родины» под руководством Н. Тихонова показал стране нового героя – Василия Теркина. Вместе с новыми персонажами в прессе стали вспоминаться имена отечественных героев, например, Александра Невского, Ивана Сусанина, Петра Великого. Пресса критиковала и порицала неуважительное отношение к прошлому страны [Булгакова 1990; Дубровский 2005]. Все медиа страны поддерживают историческую инициативу: демонстрация кинофильмов о Минине и Пожарском, Кутузове, радиоочерки, книги и журналы о народных героях Крымской войны – матросах Петре Кошке и Трофиме Александрове, о Семене Новикове и других. Историк А. М. Дубровский по этому поводу писал: «Карманная книжка, брошюра с очерками о выдающихся русских полководцах, умещавшаяся в полевой сумке политрука, была самым массовым жанром исторических работ тех лет» [Дубровский 1992, с.119].

Подобная информационная поддержка населения и армии не могла быть абсолютно положительной, так как правительство под руководством

И. В. Сталина взяло курс на умалчивание военных поражений и мифологизацию истории страны и ее значимости: пресса не вела анализа опыта прошлых войн, не критиковала стремления к стиранию памяти прошлого партии и политических репрессий. На тот момент подобные инициативы от журналистов были невозможны.

Военная журналистика в период Второй Мировой войны начала приспосабливаться к новым условиям – требовалась оперативность в предоставлении информации. В связи с этим 24 июня 1941 года было создано Советское информационное бюро, в задачи которого входило передавать правдивые новости советским и иностранным гражданам. Параллельно с Совинформбюро оперативным источником информации служило радиовещание, первые передачи которого начались одновременно с сообщением о начале войны. Данное СМИ предполагало распространение информации на нескольких языках, создание филиалов в Куйбышеве, Свердловске, Комсомольск-на-Амуре и Саратове [Иванова 1985, с.14].

Главной задачей журналистов в данный период было вести правильную антигитлеровскую пропаганду, поэтому существовавшая система требовала необходимых перестроек. Согласно этим целям в редакции советских СМИ были направлены писатели, которые 24 июня 1941 г. прибыли на фронт, руководствуясь постановлениями ЦК ВКП(б) «О работе на фронте специальных корреспондентов» (август 1941) и «О работе военных корреспондентов на фронте» (сентябрь 1942) [Кузнецов 1975, с.5]. Организация журналистского штата приобрела цензурные характеристики, во многом потому что правительство предоставило право иметь собственных военных корреспондентов ограниченному кругу, в который вошли редакции: «Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, «Известиям», «Комсомольской правде», «Сталинскому соколу», «Правде», «Красному Флоту», «Красной звезде» и газетам, которые находились в зоне вооруженного конфликта. Как и в предыдущих войнах, военная журналистика находилась под наблюдением цензурного ведомства, основными функциями которого

являлись охрана государственной и военной тайны, а также политический и идеологический контроль печати. Таким образом в июле 1939 года появился «Перечень сведений, являющихся государственной и военной тайной на военной время», предусматривающий запрет на публикацию «каких бы то ни было данных о продвижении, дислокации, военных действиях Красной армии и флота, воздушного флота, данных о работе промышленности, транспорта, метеорологии и других областей народного хозяйства, связанных с обеспечением успешного действия Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота» [Кузнецов 2002, с.240].

Политико-идеологический контроль был направлен на противостояние с фашистской прессой, которая вела пропагандистскую и дезинформационную кампанию на оккупированной территории. Антигитлеровская пропаганда велась в условиях информационной войны, таким образом перед корреспондентами стояли две основополагающие задачи: показать ужасы фашистских захватчиков и убедить население содружественных стран в необходимости совместной борьбы с данным явлением. Трудность поставленных правительством задач определялась оперативной работой фашистского радиовещания, которое развернуло свою деятельность с начала 1941 года, а к июлю 1942 года на оккупированной территории работало 1360 радиоточек [Юденков 1971, с.122–123]. Подобные меры были не безосновательны, так как в некоторых исторических исследованиях приводятся примеры того, как работала фашистская агитационно-пропагандистская система – воздействие оказывалось на все население оккупированных территорий, включая советских граждан, которое вызывало в дальнейшем случаи коллаборационизма местного населения с оккупационными властями [Семиряга 2000; Ковалев 2004; Окорочков 2007].

В целях борьбы с данным явлением был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [Кузнецов 2002, с.64-66]. Для осуществления поставленных

целей редакции «Правды» и «Комсомольской правды» применили опыт первых пятилеток и отправили в места вооруженных столкновений выездные редакции. Характерным явлением в годы войны было активное издание сатирических «Окон РОСТА», которые послужили созданию «Окон ТАСС» и выпуску очерков и памфлетов И. Эренбурга, К. Симонова, Н. Тихонова, А. Толстого [Симонов 1979, с.7-17]. С появлением в редакциях новой должности «писатель» информационный диапазон позволил описывать военные столкновения наиболее полно с точки зрения аналитических и информационных жанров [Жирков 2014, с.164]. Некоторые исследователи отмечают также что благодаря очеркистам и публицистам, таким как К. Симонов, В. Вишневский, В. Саянов, но в большей степени И. Эренбург, советская пропагандистская система успешно вела «психологическую войну» против идеологии фашизма. Об этом, в частности, пишут историки Журбина и Рубашкин, которые утверждают, что психология конфликта и наука ненависти – это одни из решающих концепций в ведении информационной войны [Журбина 1957; Рубашкин 1965]. В конце войны был создан еще один орган печати для поддержания идеологической направленности – газеты освобожденных территорий, такими были «Свободная Польша», «Венгерская газета». Действенность советских приемов ведения информационной войны отмечают также зарубежные исследователи. Например, в книге Пола Лайнбарджера совместно с критикой СССР также присутствует утверждение, что советские пропагандисты имели четко поставленные цели и программу действий для их достижения [Лайнбарджер 2013, с.160].

Окончание Второй Мировой войны определило начало нового идеологического противостояния, главными акторами которого стали средства массовой информации США и СССР. Отсутствие реальных боевых столкновений предопределило изменения в военной журналистике. Совинформбюро сменило строгие фронтовые сводки на фельетоны и карикатуры о капитализме. Государственная военная печать лоббировала политику и идеологию государства до 1990-х годов, затем инициативу взяли

коммерческие военные издания, направленные на рекламу и экспорт военной техники. Журнальная продукция активно развивалась благодаря широкому тематического диапазону, что диктовало коммерческой военной печати новые функции – гражданский контроль за силовыми структурами. Погорельский объясняет подобную тенденцию тем, что ведомственные издания ввиду поддержания имиджа могли исказить факты, в то время как коммерческим изданиям не было необходимости избегать определенной информации [Погорельский 2002, с.15-16]. Для изменения ситуации в годы перестройки Министерство обороны и ЦК КПСС приняли решение учредить корпус прикомандированных журналистов. Данное образование должно было если не контролировать СМИ, то держать в рамках цензурных уставов политических и военных органов [Погорельский 2002, с.12]. Однако реальных последствий и ограничений не последовало.

Классическая модель военной журналистики, когда корреспондентом являлся действующий офицер или человек, связанный с военным формированием, просуществовала до первой Чеченской войны (1994-1996 гг.) Причины такой организации отражаются в необходимости контроля за потоком информации, поступающей в медиaprостранство из «горячих точек». Подобную задачу могли обеспечить люди, тесно контактирующие с военными формированиями и спецслужбами, что и наблюдалось во время войн в Никарагуа, Анголе, Вьетнаме, Афганистане и Эфиопии [Погорельский 2002, с.42-43]. С появлением телепередач военного толка, которые транслировали репортажи из мест вооруженных столкновений, аудитория увидела в кадре «гражданских» корреспондентов. Стоит все же отметить, что в первой половине 1990-х гг. XX века пресса и телевидение обладало большей свободой обработки и подачи информации по сравнению с сегодняшней медиа средой. Это обуславливалось отсутствием регулирующих документов и уменьшенным государственным контролем после распада СССР. Благодаря этому отечественная аудитория увидела репортажи Невзорова о боях в Грозном.

Погорельский также отмечает, что военная журналистика во второй половине XX века приобрела неоднозначный характер, так как привычное понимание предмета военной тематики относилось только к событиям непосредственно в зоне боевого конфликта, когда на тот момент в мировом опыте в информационный диапазон относилось освещение таких тем как военная дипломатия, развитие и проблемы военно-промышленного комплекса, реформы и армия [Погорельский 2002, с.45].

Существенным изменением в военной журналистике XX века является законодательное закрепление прав и обязанностей журналиста в зоне вооруженного конфликта согласно положениям Женевской конвенции 1949 г. и Закона РФ «О Средствах массовой информации» [Закон РФ... 1991, www.consultant.ru]. Специфические изменения отечественной военной журналистики связаны с развитием коммуникационных технологий, способов работы с информацией, а также с получением контролирующей и саморегулирующей функций у СМИ как у самостоятельного института, который также получил независимость от монополистического государственного влияния на редакционную политику.

В XXI веке появляется необходимость в более действенной юридической и законодательной защите журналистов в зоне вооруженного конфликта. В том числе после событий Грузино-Осетинского конфликта, международных террористических атак, вооруженных столкновений на Юго-Востоке Украины и Сирии. В дополнение ко всему военная журналистика становится частью глобальной геополитики, в которой ей отведена роль главного актора в информационной, а далее и гибридной войне. Появляются новые средства и приемы ведения пропагандистских и информационно-психологических операций в медиа-пространстве, где, согласно тезису М. Маккомбс и Д. Шоу, СМИ формируют «повестку дня» [Дьякова 1999; Панарин 2012; Пономарев 2007]. К таковым можно отнести блогосферу Рунета, которая на данный момент составляет прямую конкуренцию традиционным коммуникативным площадкам [Ушанов 2015, с.143-149]. В то время как некоторые ученые,

О.Г. Филатова, Е.А. Кожемякин, А.А. Попов, называют блогинг вызовом «классической журналистике» и рассматривают как сугубо «гражданское» явление, военные корреспонденты активно используют механизмы социальных сетей и личных блогов [Кожемякин 2010; Филатова 2010]. Среди таких можно отметить блоги: О. Алленовой, В. Ивлевой, Е. Сандро, А. Коца, М. Ахмедовой, А. Муждабаева.

В самом начале исследования утверждалось, что отечественная военная журналистики никогда не была свободна и самостоятельна. Таким образом мы можем отследить специфику развития и на примерах, приведенных в данном параграфе, увидеть, что данный тезис может выглядеть правдоподобным, не зависимо от меняющегося внутривнутриполитического государственного строя.

1.2. Проблемы определения и специфика «гибридной войны»

Интенсивное развитие средств связи обеспечило информации выход на качественно новый уровень, в том плане, что информация совмещает в себе деструктивные и созидательные компоненты. Данная тенденция объясняется растущим значением информации, ее объемов и скорости потока в геополитическом пространстве. Некоторые исследователи полагают, что механизмы и само явление информационной войны не является новым для XX века и не в полной мере зависит от «технологической эры». По мнению Волковского Н. Л. первые случаи применения инструментов информационной войны относятся к V в. до н.э., которые активно применял персидский царь Ксеркс I в войне против эллинов, и которые были использованы многими полководцами античности, средневековья и современности [Волковский 2003, с.21-29; с.50-67]. Таким образом можно сделать выводы, что принципиально новые очертания информационные войны стали приобретать после опыта Второй Мировой войны на фоне противоборства США и СССР, а также локальных конфликтах в Южной Корее, Вьетнаме, Афганистане, Сербии [Колесов 2007, с.98-109; с.110-131]. В этот период впервые используется термин «информационная война», выведенный американским экспертом

Томасом Роном, оформляются теоретические концепции, которые включают в себя характерные механизмы активности в СМИ [Thomas Rona 1976, p.86].

Основная задача информационной войны – формирование «удобного или выгодного» общественного мнения с целью дискредитировать политического оппонента, получить психологическое и экономическое превосходство [Беляев 2014, с.73]. В подтверждение данного тезиса можно взять высказывание английского теоретика, автора классической «Стратегии непрямых действий» («Strategy: the indirect approach») Б. Лиделл Гарта: «Сегодняшний противник завтра станет вашим покупателем, а послезавтра – союзником». Технология предполагает подобное вмешательство в довоенное, в военное и после военное время. Главная задача: создать образы «врага» и «друга», показать кадры с мест боевых столкновений, транслировать «необходимые» интервью, вещать о конфликте в пик наибольшей концентрации аудитории у экранов телевизора. Сейчас к этой стратегии активно присоединяется Интернет, который является оперативным и действенным средством для распространения «фейков» и «вбросов» [Григорьев 2014, с.61-78].

Однако некоторые современные исследователи не рассматривают информационную войну как самостоятельное явление, полностью обособленное от политики, экономики, социологии и психологии, а также многих других сфер. Во-первых, объектом информационной войны является массовое и индивидуальное сознание аудитории, поэтому одним из механизмов влияния всегда будут психотехнологии направленные на бессознательное поведение человека и толпы, что в свою очередь является неотъемлемой составляющей социологии и психологии [Комов 1996, с.28-143]. Во-вторых, основное средство достижения поставленных целей в информационной войне является давление на экономическую и политическую составляющие структурной организации общества оппонента.

Таким образом в 60-х гг. XX века российский военный теоретик Евгений Месснер описал совершенно новую концепцию глобального

противостояния. В частности, он писал: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...» [Месснер 2004, с.130]. Позднее американские теоретики Ф. Хоффман и Д. Мэттис оформят данную концепцию в теорию нелинейной или «гибридной войны», изначальная необходимость которой объяснялась возросшей террористической угрозой [Hoffman 2007, p.72]. Однако со сменой технологических укладов началась трансформация международных отношений, которая потребовала новой системной модели мироустройства. Таким образом рост глобальной конкуренции между крупными мировыми акторами, например между США и Китаем или между США и СССР, способствовал образованию новой формы противостояния.

Однако, не все исследователи признают инновационный характер «гибридной войны», поэтому не рассматривают в качестве новой формы военно-политической стратегии и тактики. Во-первых, потому что существует множество определений данного явления и мировое сообщество пока не пришло к единогласию. Во-вторых, часть исследователей включают в понятие «гибридной войны» ее составляющие – информационную, культурную, психологическую, сетевую операции. По мнению многих историков, в том числе Р. В. Арзуманяна и Ю. Ю. Першина, любое военное столкновение подразумевает «гибридность», то есть совмещение нескольких способов ведения боевых действий [Арзуманян 2015; Першин 2016]. В противовес данному тезису выступают политолог П. А. Цыганков и член-корреспондент Академии военных наук А. А. Бартош. Теоретики заявляют, что «гибридная война» – это принципиально новое явление, которое уже стало реальностью, поэтому необходимо актуализировать данную проблематику с целью изучения данной революции в военном деле [Цыганков 2015; Бартош 2014]. Они также придерживаются мнения, что «гибридная война» тесно связана с

формированием единого медиапространства, продиктована глобализацией и нарастающим противоборством государств. Новая по способу ведения, она совмещает в себе все ранее известные методики, в том числе пропаганду, агитацию, дезинформацию, намеренное искажение фактов, подрывную деятельность, направленную на расшатывание социокультурных норм.

Объединяющей является позиция исследователей, которая предполагает нелинейный характер процессов «гибридной войны». Однако для более детального рассмотрения характерных свойств и задач данного явления нам необходимо определить сущность и предмет понятия «гибридной войны».

Принято считать, что отцами основателями теории нелинейной войны являются американские военные специалисты. В частности, об этом утверждал научный сотрудник кафедры военных исследований Королевского колледжа Лондона Офер Фридман, определивший, что терминология гибридной войны появилась в начале XXI века в американской армии [Фридман 2016, 80]. Об этом же пишет Алекс Дип на страницах интернет-журнала «Small Wars Journal», где приводит примеры использования «гибридных» технологий во время палестинских операций, совместных действий Континентальной армии Дж. Вашингтона и сил ополчения во время американской революции [Deer 2015, smallwarsjournal.com].

Однако западные исследователи отдают заслуги в развитии концепции российскому военному сообществу, в лице начальника Генерального штаба ВС РФ Герасимова. В 2018 году М. Галеотти, британский аналитик и эксперт по российским спецслужбам, который принял непосредственное участие в формировании мнения о причастности Герасимова к развитию новой концепции, опроверг позицию, отражающую данную причастность.

Кому бы не принадлежали терминология и концепция, явным становится факт, что «гибридная война» является принципиально новой методикой в сфере вооруженных конфликтов. Что не отменяет факта ее предопределенности. Как отмечает Домин, «гибридная война» – это очередной этап развития противостояния «западного и российского мира»,

начавшегося после Второй Мировой войны [Домин 2017, с.12]. Этой же теории придерживаются авторы монографии «Гибридная война: борьба со сложными противниками со времен Древнего мира и до наших дней» [Murray 2012, p.329]. В их представлении гибридная война всегда являлась частью исторического ландшафта: в период Римско-германских войн I в. до н.э., в Тридцатилетнюю войну в Европе 1618-1648 гг., в Первую Мировую войну. Однако, исторический контекст не несет существенного влияния на сущность «гибридной войны».

«Гибридная война» подразумевает под собой спектр многоуровневых системных действий, совмещающих методы классического и иррегулярного ведения войны. Преимущественно данные методы направлены на дискредитацию противника, а также одновременное использование в качестве театра военных действий геополитических пространств всех известных типов. К таковым будут отнесены: военное, политическое, социокультурное, экономическое, информационное. Последнее на данный момент является доминирующим пространством. Соответственно для наибольшей эффективности необходимо обратить внимание на институты и технологии управления массовым сознанием. В подтверждение данной теории выступает классификация войн четырех поколений, которую вывели специалисты RAND Corporation [Lesser 1999, p.93-136]. Характеристика войн поколений такова:

1. Первое поколение придерживалось линейной тактики;
2. Второе поколение носило, в основном, позиционный характер;
3. Третье поколение приняло форму маневренной стратегии;
4. Четвертое поколение (4GW) приобрело цель – морально подчинить противника с минимальными потерями.

Характерная особенность четвертого поколения заключается в конвергенции остальных трех форм. Но все же четвертое поколение – это принципиально новый тип противостояния, обеспечивающий информационные и «цветные» революции. Подобные модели конфликтов стирают грани между гражданским и военным лицом; противоборствующие стороны могут вести негласную

войну, поддерживая дружественные дипломатические отношения. В связи с этим, исследователи все чаще приравнивают войны 4GW и «гибридные», так как они обе предполагают, что «противоборствующие стороны станут настолько искусными в манипулировании средствами массовой информации с целью изменения общественного мнения в стране и в мире, что умелое применение психологических операций иногда сможет сделать излишним ввод в действие боевых подразделений» [Terriff 2008, p.16].

Иными словами «гибридная война» – новая форма вооруженного конфликта, развивающаяся в четвертом поколении, предполагающая мультимодальность режимов ведения. Обозначенная мультимодальность проявляется в доминирующем характере информационного влияния на общество. Об этом говорили еще в начале XXI века авторы концепции сетцентрической войны, А. Цебровски и Д. Гартска [Cebrowski 1998, p.28-35]. Данная концепция также может быть отнесена к понятию «гибридной войны», так как затрагивает новое информационное пространство XXI века – сетевое или виртуальное. Иными словами, интернет, в особенности средства массовой информации, стал одним из ведущих методов ведения «гибридных» операций. Его преимущества неоспоримы, так как благодаря ему осуществляется повсеместное распространение информационно-телекоммуникационных систем [Данченко 2013, с.16]. Следовательно, подобный инструмент влияния будет экономически выгоднее, чем развертывание военного технического потенциала. Финансовая разница между размещением и обслуживанием ракетного комплекса и публикацией ряда материалов в СМИ очевидна. Этой тенденции поспособствовала беспрецедентная глобализация информационного пространства, появление новых технических средств в сфере массовой коммуникации.

Еще одной сущностной чертой данного явления можно назвать пренебрежение нормами морали и нравственности, неприемлемое использование социальных технологий воздействия на сознание. Среди таковых самым распространенными принято считать: фальсификацию и

намеренное искажение исторических данных, распространение слухов и недостоверной информации, а также клеветнических и ложных данных.

Наиболее известной гибридной технологией является технология управляемого хаоса. Суть данного феномена состоит в том, чтобы создать в стране политическую и экономическую нестабильность. Далее осуществляется захват власти специальными силовыми или не силовыми группами. Подобная технология использовалась в 2003-2004 гг. в Украине, Грузии и Киргизии, получившая название «цветная революция». Однако, цветные революции – это первая ступень конфронтации, протекающая в виде мирных демонстраций, митингов, майданов, которая в последствии трансформируется в гражданские войны, государственные перевороты. Данный сценарий в полной мере соответствует событиям в Украине 2014 г.

Особенность технологии «гибридной войны» заключается в дуальности и синергетичности направлений: вектор воздействия затрагивает внешнюю и внутреннюю стороны [Ковалев 2017, с.981]. С одной стороны, стратегия предполагает ослабление внутренне – духовной сферы; с другой – материальных благ цивилизации. В основном, мишенью социокультурного вектора становятся такие явления как: культурная идентичность, духовные и материальные ценности народа, чувство патриотизма и сопричастности к истории государства.

Таким образом мы подходим к задачам, которые осуществляет концепция нелинейной войны. Целенаправленными процессами являются:

- минимизация человеческих и технических потерь от прямого военного столкновения;
- сокращение вероятности крупномасштабного вооруженного конфликта;
- тотальное изматывание противоборствующей стороны до точки, когда его способности противостоять организованному давлению будут не эффективными;

- развязывание и развитие консциентальной войны, подразумевающей замещение основных ценностей массового сознания;
- изменение социальной системы ценностей и принципов местного населения;
- реорганизацию политической и правовой систем;
- организацию экспорта экономической системы;
- развязывание медиавойны.

Учитывая перечисленные задачи, «гибридная война» наносит существенный удар по социальной стабильности и создает ситуацию внутривнутриполитической напряженности. В какой-то мере подобные процессы можно назвать войной брендов или интересов, если воспринимать данное понятие не только в экономическом контексте, но основываясь на социокультурной и идеологической составляющих [Домин 2017, с.14].

Одной из важнейших задач, определяющей успех остальных, является развитие консциентальной войны. Под данным определением стоит понимать действия, направленные на процесс замещения традиционных ценностей конкретного общества для осуществления над ним латентного контроля извне. Консциентальная война также имеет три основные формы: археологическую, психологическую, информационную. Первая форма предполагает целенаправленное уничтожение памятников истории и культуры, создание чуждых институтов, статусов и традиций. Вторая – необходима для оказания давления на экономическом и социальном уровнях с целью искажения картины мира. Третья – полностью задействует информационное пространство и непосредственно связана со второй формой, так как направлена на изменения сознания личности и массовой аудитории. Ее целью являются ценности и социальные установки, поведенческие паттерны.

Таким образом уничтожение национальной и духовной самобытности открывает для оппонента возможность достижения экономического, политического и иного рода контроля над поверженной стороной без

масштабного применения вооруженных формирований и продолжительных дипломатических процедур.

Однако не представляется возможным и адекватным называть каждый конфликт XXI века «гибридной войной», так как у данного явления есть ряд отличительных характеристик. В данном вопросе до сих пор существуют разногласия по причине кризиса теории и практики классических войн, многообразия форм вооруженного конфликта, отсутствия единственного взгляда на генезис, сущность и специфику. Например, на рубеже 1990-2000-х гг. «гибридными» войны считались, когда в качестве субъекта выступали негосударственные иррегулярные силы, то есть не государственные военные формирования, но наемные силы извне или террористические организации. Такими были чеченские кампании, и израильская война 2006 г. против Ливана [Glenn 2009, smallwarsjournal.com]. Но уже в 2014 году, когда начался конфликт на востоке Украины, субъекты приобрели новый статус и стали ассоциироваться с государственным поведением. То есть государства, которые принимали непосредственное участие в регулировании конфликта, стали одним из субъектов «гибридной войны».

Среди основополагающих критериев, согласно которым конфликт можно отнести к «гибридной войне», исследователи отмечают:

1. Ассиметричный характер войны, проявляющийся в существенном дисбалансе военных сил, стратегий и тактик (ресурсы противоборствующих сторон).
2. Характер участников вооруженного конфликта (регулярная армия, наемные или иррегулярные силы, террористические организации).
3. Нетрадиционные или мультимодальные способы ведения войны (информационно-психологические операции, применение информационного оружия, медиавойна, экономическое и политическое давление).

Таким образом перечисленные характеристики, методы и задачи представляют нам необходимые данные, используя которые, мы можем

выявить элементы «гибридной войны». Следовательно, изучение данной области в конфликтологии, политологии, экономике, социальной и военных сферах необходимы для эффективного выявления противоправных операций и дальнейшего их устранения. Во многом потому, что сейчас глобальное военно-силовое противостояние теряет актуальность с точки зрения экономической и военной неэффективности, не беря во внимание нормы международного права, закрепленные в ст. 2 Устава ООН (1949) [Устав Организации... 1949, base.garant.ru].

В завершении можно сделать вывод, что «гибридная война» – явление не в полной мере изученное, несмотря на возрастающую актуальность в современном информационном мире. В связи с этим информационная безопасность и контроль за мировым медиапространством являются основными способами сохранения независимости и суверенитета государственности.

1.3. Роль военной журналистики в «гибридной войне»

Существует множество определений термина «военная журналистика», каждый из которых описывает ее неотъемлемые составляющие, отличающиеся только формулировками или конкретными образами. В зарубежной практике в начале XXI века было принято разделять сферы деятельности журналистов, которые так или иначе, связаны с военной тематикой. Об этом пишет Погорелый, утверждая, что западные медиа подразделяют корреспондентов на 3 вида: «defense journalist» (журналист по оборонным проблемам), «war correspondent» (военный корреспондент) и «hot spot reporter» (репортер «горячих точек») [Погорелый 2001, с.40]. Первый термин связан в большей степени с аналитическими подразделениями серьезных газет и журналов, которые пишут о военной тематике. Таковыми исследователь называет «Jane's Review» или «Defense News». Второй термин представляет собой профессиональное наименование или должность сотрудника редакции, который работает непосредственно в зоне вооруженного конфликта. Третий – по сути дублирует сущность второго, с

одним лишь отличием – термин все чаще приобретает гражданские оттенки. Одной из разновидностей являются «стрингеры» – репортеры «горячих точек», не связанные с каким-либо конкретным издательством трудовым договором. К данному феномену существует неоднозначное отношение, так как назвать «стрингеров» военными журналистами сложно. Автор книги «Военный репортаж в эпоху смартфонов» («Conflict Reporting In The Smartphone Era») называет таких людей «war tourists», то есть военными туристами [Darija Fabijanic 2016, p.11].

В отечественной практике как правило нет подобных разделений, так как журналисты, освещающие оборонную тематику и вооруженные конфликты, являются специалистами широкого спектра. Данная тенденция берет начало еще во время первой Чеченской кампании, когда конфликт освещали в том числе журналисты, не являющиеся военными корреспондентами [Капа 2001, с.115].

Однако, в данном исследовании мы будем опираться на следующее определение. Военная журналистика – это разновидность журналистской деятельности, которая подразумевает освещение вооруженного конфликта и связанных с ним политических, военно-стратегических, террористических и контртеррористических операций, производимых противоборствующими сторонами. Таким образом данное определение позволяет выделить масштабы информационной области, которую затрагивает военная журналистика.

Политика и военное дело – это два взаимосвязанных института, так как ни одна война не начинается без приказа верховного командования, и не протекает без дипломатических операций. В «гибридной войне», как мы уже говорили ранее, большую эффективность можно получить не прямым, то есть силовым методом, но «мягким», то есть через проведение информационно-психологических и политических операций. Причина данного феномена кроется в слабости и несостоятельности политического или социального устройства государства. Подобное явление может быть вызвано постоянными изменениями и реформами, что приводит к деструктуризации общественных

институтов, существование которых обеспечивает нормальное функционирование общества. Далее возникает духовный кризис, следствием которого можно считать недоверие к власти и политике государства. Таким образом в политической сфере начинает циркулировать огромное количество политических концепций, навязанных извне, усиливая тем самым появившуюся в обществе разобщенность. В данном случае общественное сознание становится аполитичным, так как повседневная жизнь обывателя претерпевает кардинальные изменения в сложившейся системе ценностей, социальной и экономической сферах. Данное явление также может быть вызвано отсутствием идеологической доктрины в любом ее проявлении.

Историк Е. С. Салагаева рассматривает данную проблематику с точки зрения того, что идеологическая доктрина, или политическая концепция, представляет коммуникативную систему с консолидирующими и мобильными возможностями, которая к тому же является инструментом по управлению социально-политической практики [Салагаева 2014, с.299]. В своем труде она описывает основную функцию идеологии или политической концепции: способность формировать социальную реальность [Салагаева 2014, с.300]. Историк У. Матц по данному поводу пишет, что «идеология есть, по сути, картина мира, сложившаяся в ходе систематического редуцирования сложности действительности» [Матц 1999, с.133].

В современных реалиях редуцированием сложных смыслов занимается медиа-сфера, в том числе военная журналистика. Однако подобная тенденция не нова и была замечена еще в XX веке немецким философом О. Шпенглером, который предугадал рост значения информации для общественного сознания. В известном труде «Закат Европы» он описал то, о чем говорит Салагаева: «В ближайшем будущем три или четыре мировых газеты будут направлять мысли провинциальных газет и с их помощью – «волю народа». Все будет решаться небольшим количеством людей, контролирующим эти газеты, имена которых возможно даже и не будут известны, однако огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей

провинциальных горизонтов будет поддерживать в низших прослойках общества иллюзию народного самоопределения» [Шпенглер 2009, с.147].

Современные реалии с непрекращающимся техническим прогрессом, ускоряющимся распространением информационных каналов только усилили пророчество Шпенглера, увеличив силу информационного влияния и превратив его в орудие власти. Тоффлер назвал современный период расцвета «технической цивилизации» веком информационных войн [Тоффлер 2010 с.241].

Основная цель информационного оружия – общественное сознание, которое так или иначе является совокупностью индивидуальной и массовой психологии человека. Способ воздействия – правильная подача исходных данных, то есть упакованной в том или ином виде информации. Данные операции производят современные масс медиа, обеспечивающие каждое действие правительства сопроводительной информационной поддержкой. Техническое развитие упростило и ускорило возможности данной поддержки, особенно теперь, когда создание новости, истории или репортажа можно осуществить с помощью простейшего набора коммуникаторов: смартфона и интернета [Darija Fabijanic 2016, p.5].

Таким образом мы подходим к исследованию роли военной журналистики в условиях гибридной войны. Военная журналистика – это третья сторона каждого вооруженного конфликта. Однако в масс-медийном пространстве она обладает гораздо большими полномочиями, выступая в качестве основного актора противоборства. Неоднократно военная журналистика рассматривалась как самостоятельный фактор, влияющий на ход конфликта. С данным тезисом трудно спорить, так как начало любого вооруженного конфликта сопровождается информационной кампанией в задачи которой входит:

1. Создание диаметрально противоположных образов «врага», «друга-союзника» и «героя».
2. Демонстрация преимущественных сторон вооружения и армии.

3. Соккрытие информации о собственных потерях в угоду освещения поражений противоборствующей стороны.
4. Преувеличение вреда, нанесенного противоборствующей стороной и ее союзниками.

Эмпирический анализ публикаций показал, что у большинства журналистских материалов могут быть выделены приемы речевого воздействия, позволяющие осуществлять перечисленные выше задачи. Под приемами речевого воздействия в данном исследовании мы будем понимать манипулятивное убеждение и внушение в сознание реципиента целей, оценок, моральных установок и мифологем, выгодны коммуникатору [Шелестюк 2014, с.113-114]. В качестве основных приемов можно выделить:

- апелляцию к авторитетной персоналии;
- предъявление обвинений в адрес противоборствующей стороны;
- апелляция к стереотипическим традициям (намеренное искажение или насаждение ценностей извне);
- применение полуправды или искажение фактологического материала;
- устрашение;
- персонализацию событий (конструирование «виновного» посредством создания положительных и отрицательных образов);
- апелляцию к фоновым знаниям через аналогии.

В основном перечисленные приемы речевого воздействия необходимы для создания стратегии дискредитации политического лидера или системы, социального обустройства, положения государства на мировой арене в ходе гибридной войны [Иванова 2015, с.1032-1038].

Однако военная журналистика не должна быть идентична с политикой, соответственно в материалах подобного толка не может быть места для чрезмерного количества эмотивности, интеллектуального самоутверждения автора, агрессивности и экспрессивности лексической составляющей. Военная журналистика должна выглядеть по-экономически сухо, предлагать информацию, которая способствует укреплению демократических и гуманных

основ, отказываясь от развлечения читателей и зрителей агрессивными смыслами. К сожалению, данные постулаты являются идеальными, но не соответствуют реальной ситуации в медиа среде, где до сих пор существует устоявшаяся концепция «у нас все хорошо, у них все плохо», доставшаяся отечественным СМИ еще со времен «холодной войны». Данный период сорока восьмилетнего противостояния Г. Г. Почепцов называет стимулом для развития коммуникативных моделей управления сознанием. Он отмечает, что основной данной концепции является пропаганда [Почепцов 2000, с.45].

Поэтому необходимо взять во внимание тот факт, что перед военным журналистом, кроме очевидных проблем, связанных с безопасностью в зоне вооруженного конфликта, встают более философские: чувство национальной идентичности, профессиональная ответственность и принципы, сохранение социального равновесия. Дело в том, что чувство национальной идентичности невозможно в полной мере искоренить из журналистских материалов. В идеальном варианте решения проблемы данное чувство должно рассматриваться в качестве смыслового элемента, не причиняющего ущерб этическим и профессиональным нормам, то есть не развигать еще больший конфликт. Авторы книги «Репортаж о войне: Журнализм в военное время» («Reporting War: Journalism in Wartime») Стюарт Аллан и Барби Зелицер отмечают, что главной проблемой в данном вопросе нужно считать невозможность различения патриотизма и милитаризма, которые все же являются центральными в проблемах освещения войны [Stuart Allan 2004, p.102]. В данном вопросе речь идет о том, что военный журналист выступает в двух положениях: очевидца и обозревателя. В первом случае журналист не всегда справляется с задачей быть беспристрастным и достаточно отдаленным от чрезмерной эмотивности, так как находится в непосредственной близости к конфликту. Второй случай полярен первому, так как существует возможность сохранить нейтралитет для качественного анализа, однако журналисту в таком случае не достает погружения в тему. И тогда часто появляется вопрос, дискредитирующий все попытки специалиста быть беспристрастным: «вы с

нами или против нас?». О вопросах подобного толка задумались авторы сборника из 150 статей различных специалистов Рой Гутман и Дэвид Рифф. В книге «Война преступлений: Что должна знать общественность» («Crimes War: What the Publick Should Know») речь идет о различных этических аспектах, который военный журналист и аналитик должен учитывать в работе [Gutman Roy 1999, p.54-73].

XXI век предполагает, что любой вооруженный конфликт будет сопровождаться медиа-войной, то есть необходимой гибридной составляющей, которая может позволить минимизировать риски или увеличить эффективность стратегии. Однако стоит также понимать, что средства массовой информации в подобном противостоянии могут находиться под сильным давлением со стороны правительства, так как репортажи с мест боевых действий или аналитика так или иначе затрагивают интересы одной из сторон противоборства. К сожалению, подобная практика противоречит целям и задачам, которые ставят перед военной журналистикой:

1. Позволить лучше понять корни и реальность конфликта.
2. Создать информационное пространство для диалога.
3. обеспечить контекст и анализ, которые могут способствовать примирению сторон [Darija Fabijanic 2016, p.40].

Реальность больше соответствует тому, о чем писал Филипп Найтли в обновленном издании книги «Первая жертва» («The First Casualty»). Исследования истории вооруженных конфликтов и сопровождающих войны информационных кампаний привело журналиста к выводу, что «печальная правда кроется в том, что в новом тысячелетии правительственная пропаганда готовит граждан к войне настолько искусно, что вполне вероятно сами граждане не хотят видеть объективной и правдивой отчетности, за которую долгое время боролись военные журналисты» [Knightley Phillip 2000, p.117]. В таком случае существует вероятность, что военная журналистика в условиях гибридной войны и конвергенции жанров способна перенять элементы агрессивного журнализма, который в его терминологическом значении не

может иметь ничего общего с военным обозрением [Clayman 2002, journals.sagepub.com]. По своей сути агрессивный журнализм призван с помощью своего инструментария намеренно разжигать конфликт, способствовать накаленности атмосферы. Однако, агрессивный журнализм не должен ассоциироваться с военной журналистикой, так как первый далек от непредвзятого освещения, в то время как основными чертами военного обозрения являются: объективность, информативность, оперативность и беспристрастность [Погорелый 2002, с.11-21].

Еще одной существенной проблемой, которая появилась в медийном пространстве стало сокращение численности военных корреспондентов в зонах вооруженного конфликта. Данную проблему вынесли на обсуждение в 2017 году генеральный директор МККК (Международный Комитет Красного Креста) Ив Даккорд, австралийский журналист Хелен Вацикопулос и бывший военный корреспондент Питер Кейв на конференции «Война слов: исчезает ли журналистика из зон конфликта?». Как отметил один из спикеров подобную тенденцию можно объяснить опасной рабочей средой, условия которой усугубились после войны в Сирии и Ираке. Данная проблема не нова, так как активные обсуждения проходили еще в начале XXI века [Tami Luhby 2003, www.quillmag.com]. Питер Кейв заявил, что намеренные убийства военных корреспондентов и несоблюдение международных соглашений по поводу военнопленных способствовали тому, что журналисты «менее заинтересованы в том, чтобы рисковать своей жизнью ради информации» [Caroline Fisher 2017, www.icrc.org].

В следствие дискуссии Хелен Вацикопулос отметила закономерность: с сокращением штата официальных журналистов, то есть – аккредитованных в зоны вооруженного конфликта, увеличивается количество стрингеров, блогеров и военных туристов [Caroline Fisher 2017, www.icrc.org]. По мнению австралийского журналиста, подобная тенденция подрывает основополагающую роль военной журналистики на войне. Используемые блогерами и стрингерами методы быстрого распространения информации, то

есть посредством интернета, смартфонов, социальных сетей и мессенджеров, приводит к сокращающейся заинтересованности аудитории в вопросах, связанных с конфликтами. Следовательно, у аудитории исчезает понимание приемлемых и неприемлемых норм поведения в военное время, снижается уровень сопереживания жертвам конфликтов и отвращения в вооруженным столкновениям. Согласно логике спикеров, роль военной журналистики заключается не только в предоставлении фактической информации, но также в оказании влияния на гуманитарную реакцию международного сообщества на население, пострадавшее от конфликта.

Таким образом мы можем заключить, что военная журналистика в XXI веке подвергается конвергентным преобразованиям, которые способны кардинально изменить принципы и задачи данной разновидности журнализма [Баранова 2015, с.101-108]. Что в последствии может привести к полному недоверию со стороны аудитории, неосведомленности о протекающих конфликтах, соответственно к безразличию общества к одной из глобальных проблем современности.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЖУРНАЛИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПОРТНИКОВА И ПРИЛЕПИНА НА ПРЕДМЕТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

2.1 Освещение вооруженного конфликта на востоке Украины российскими и украинскими СМИ (2014-2020 гг.)

Вооруженный конфликт на востоке Украины является одним из показательных столкновений, где были применены гибридные техники ведения войны. Причем необходимо отметить, что в данном конфликте были задействованы несколько сторон, прямо или косвенно принимавших участие в его эскалации. Каждая из которых применяла технологии информационной войны и психологические операции для воздействия на массовую аудиторию.

Существует более десятка теорий о том, каковы причины и цели вооруженного столкновения: среди них можно выделить по крайней мере три явно выраженных. Первая – предполагает, что данное противостояние было необходимо олигархической элите украинского государства с целью создать внутреннюю политически-нестабильную ситуацию с дальнейшим захватом власти. Причем данную версию поддерживало в 2014 году 9,9 процентов гражданского населения Украины согласно результатам опроса Центра экономических и политических исследований имени Разумкова. Вторая теория объясняет апрельские события как открытое противостояние России и Украины, в котором первая выступала в качестве агрессивно настроенного государства, стремящегося захватить ресурсы второго актора. Данную версию поддерживало большинство в лице 57 процентов опрошенного населения согласно тому же опросу, а также официальное представительство Евросоюз и США. Третья версия называла украинские территории стратегическим плацдармом двух сверхдержав – России и США, которые вели гибридную войну за собственные интересы. Не одну из перечисленных теорий невозможно считать официальной, так как к единому мнению о сущности конфронтации не пришла ни одна из сторон, которые так или иначе были задействованы в конфликте (Украина, Россия, США, Евросоюз). Таким

образом вооруженное столкновение на востоке Украины становится одним из самых дискуссионных вопросов XXI века, и чаще всего рассматривается сторонами в контексте крымских событий.

Официальная позиция России в отношении сложившейся ситуации в Украине рассматривается в рамках «гражданской войны». Во-первых, потому что вооруженное столкновение происходит между субъектами одного государства: самопровозглашенные Луганская и Донецкая Народные Республики противостоят Киеву. Во-вторых, потому что московский суд признал события Евромайдана 2014 г. государственным переворотом [Анастасия Михайлова 2016, www.rbc.ru]. Большинство отечественных экспертов также придерживаются данной точки зрения ввиду общепризнанной теории об исторической приверженности западной Украины к центральной Европе, а восточной – к России, в то время как обе стороны с XVII века были включены в состав территорий российского государства. Вопреки этому современное украинское историческое сообщество старается принципиально переписать историю и унифицировать ее к концепции «Украина – не Россия», сущность которой заключается в том, что десяти вековой опыт государственности, начиная с правления киевских князей Игоря, Ольги и Владимира Мономаха, принадлежит исключительно современной Украине.

Однако в общеисторическом контексте Украина получила статус отдельного государства только в советский период. На тот момент страна представляла собой совокупность регионов с собственной культурой и историей. После распада СССР Украина предпринимает попытки регулирования правительственного аппарата, и в период с 1992 по 2014 год президенты Л. Кравчук, Л. Кучма, В. Ющенко, В. Янукович начинают менять конституционные порядки: из президентско-парламентской страна становится парламентско-президентской и наоборот. Постоянные преобразования в политической сфере безусловно становятся причинами нестабильности и конфликтов в политической сфере внутри страны.

С приходом к власти в июне 2014 г. П. Порошенко, политическое устройство Украины приобретает гибридные, анократические характеристики: сочетание авторитаризма и демократии, с уклоном на национальную охлократию. Подобная конвергенция в итоге приводит к трансформации режима в нечто, напоминающее диктабланду.

Застоявшийся кризис неопределенности режимов предопределяет дальнейшие события, поддерживаемые пропагандистскими технологиями и представленными в качестве народной революции «достоинства». Среди таковых можно отметить: цензурный контроль и запрет ряда российских и украинских СМИ, героизацию нацистских формирований и их лидеров (Бандера, СС «Галичина», «Азов», «Айдар»), открытую репрессивную языковую политику и преследование инакомыслящих [Верховная рада... 2014, ria.ru].

Гражданская война в Украине может быть охарактеризована как гибридная, так как во время исследования были выявлены характеристики, присущие данному феномену. В первую очередь мы будем опираться на исследование медиа сферы: контент-анализ политических и военных журналистских материалов. Перед началом исследования отметим ряд гибридных элементов среди которых были выявлены:

- целенаправленная социально-этническая трансформация для формирования нового политического сообщества;
- отрицание общего исторического опыта России и Украины;
- смена цивилизационных ориентиров страны, опирающихся на западный опыт;
- открытая языковая политика, сопровождающаяся репрессиями инакомыслящих;
- применение методик фальсификации фактов и дезинформации населения;
- открытое обвинение в отношении главы государства.

О гибридном характере гражданской войны также можно судить по двухступенчатой стратегии. Первая попытка осуществления смены цивилизационных ориентиров и ценностей была предпринята в 2004-2005 гг., в последствие обозначенный период был назван «Оранжевой революцией». Второй ступенью стал государственный переворот при участии националистических формирований в 2014 г., известный как Евромайдан.

Освещение вооруженного конфликта на востоке Украины отечественными и зарубежными СМИ обладает характерными чертами, присущими военной журналистике на постсоветском пространстве: присутствие эмотивной лексики и панэтизм – онтологически значимая черта советской публицистики, призванная показать моральный план персонажей и оценку действий людей и событий. Однако стоит отметить, что информационная стратегия как Украины, так и России предписывает придерживаться основных политических установок или официальных позиций государств по отношению к вооруженному конфликту. Таким образом медиа среда в большей или меньшей степени будет подчиняться политическим установкам относительно Евромайдана, аннексии Крыма, проблемы нахождения или ненахождения войск РФ на территории Луганской и Донецкой республик.

Риторика украинских СМИ, которые в большей степени подконтрольны власти (находятся в собственности первых лиц), придерживается установки: Россия захватила восточные территории страны, и все, кто им содействует, являются сепаратистами и террористами, в то время как все боевые действия рассматриваются в качестве антитеррористических операций (АТО). Данная позиция подкрепляется в журналистских материалах с помощью приемов информационной войны:

- прямое обвинение;
- навешивание ярлыков;
- авторитетное мнение;
- трансфер негативной коннотации;

- провокационные сообщения;
- перетасовка фактов;
- «общий вагон»;
- дезинформирование.

Прием «прямое обвинение» наиболее часто встречающийся метод манипулирования сознанием аудитории, в котором открыто предоставляют врага, образ которого известен большинству. Как правило украинские СМИ предпочитают использовать фигуру политического лидера страны – президента РФ В. В. Путина, вменяя ему вину за происходящие вооруженные столкновения. Еще один собирательный образ, который активно используется для устрашения или обвинения – Кремль [Тимчук: Донецькі... 2014, www.pravda.com.ua].

«Навешивание ярлыков» предполагает использование уничижительной лексики, негативных и агрессивных коннотаций в отношении противника для образования неологизмов. Суть тактики заключается в преобладании и исключительной «прилипчивости» подобных экспрессивных выражений, избавиться от которых в дальнейшем очень трудно. Самыми яркими примерами можно считать: «москаль – це раб», «террорист», «москаляку – на ножи», «ватники», «сепаратисты», «оккупанты», «захватчики».

Применение «авторитетного мнения» чаще всего сопровождается «трансфером негативной коннотации», так как в совокупности оба приема могут составить эффективную комбинацию. Например, берется речь или цитата известного политического лидера (часто используются цитаты американских политиков), которая по своей сути несет негативные коннотации в отношении противодействующей стороны, и продолжают уже имеющуюся мысль, подкрепляя ее обвинениями, подложными фактами или реальным фактом. Персоналии обычно выбираются в соответствии с уровнем популярности в конкретном регионе и у конкретной аудитории. Таким образом, в новостном-интернет портале была использована цитата премьер-министра Украины, в которой он призвал решать вопросы мирным способом

и требовал от России прекратить поддержку террористов. Контекст очевиден: Россия – страна агрессор, которая может вести переговоры только силовыми методами [Россия должна... 2014, novosti.dn.ua]. В данной статье так же есть второй смысл, так как она была опубликована 9 мая, в памятную для России дату – День Победы над фашизмом.

Провокационные сообщения нередко применяются в совокупности с дезинформацией и перетасовкой фактов. Во-первых, провокация – это способ вывести оппонента на ответные действия агрессивного характера. Таким противником проще манипулировать, поэтому украинские СМИ часто используют данный прием. Во-вторых, провокация в совокупности с дезинформированием предполагает, что оппонент будет вынужден выйти на контакт и противопоставить доказательную базу, которая в свою очередь может стать новым поводом для данной операции. Таким образом освещалась катастрофа с малазийским Боингом. [Як Росія збила... 2016, glavcom.ua].

Наиболее актуальная тема для освещения конфликта – аннексия Крыма. В данной ситуации украинские СМИ использовали прием «общий вагон», так как ни Европа, ни США не признали вход полуострова Крым в состав Российской Федерации. Используя международную позицию, украинские СМИ подкрепляют собственную в отношении конфликта, доказывая свою правоту.

Российская пресса также обладает собственной информационной стратегией в отношении событий на востоке Украины. В большинстве своем она совпадает с официальной позицией страны: новая политическая элита Украины, пришедшая к власти незаконным способом, развязала гражданскую войну, ведет открытую антироссийскую политику и способствует развитию националистских формирований. Данная позиция поддерживается приемами информационной войны:

- прямое опровержение;
- навешивание ярлыков;
- авторитетное мнение;

- трансфер негативной коннотации;
- блистательная определенность;
- подтасовка карт;
- игра на эмоциях или панэтизм;
- «общий вагон».

Прием «прямое опровержение» в российских СМИ обычно используется в качестве ответных мер на провокационные или обвинительные заявления украинских. Данный прием также позволяет поддерживать официальную государственную установку о том, что Россия не имеет никакого отношения к вооруженному конфликту на востоке Украины. Нередко подобные заявления сопровождаются доказательной базой, подтверждающей непричастность российских военных, политиков и журналистов, освещающих конфликт. Такой прием использовали в том числе при освещении катастрофы с малазийским Боингом в 2016 г., когда Россия обвинялась в причастности [Путин объяснил... 2018, www.interfax.ru].

Также, как и украинские, отечественные СМИ используют прием «навешивание ярлыков» в сочетании с «трансфером негативной коннотации». Однако данные методы встречаются не так часто ввиду очевидного стремления основной части российской медиа сферы оставаться нейтральной в отношении Майдана, аннексии Крыма, «русской весны», прихода к власти П. Порошенко и других тем. Во-первых, потому что основная масса редакций придерживается государственной информационной стратегии, о которой мы уже говорили. Во-вторых, даже оппозиционные СМИ стараются преподносить информацию в нейтральном тоне во избежание разжигания агрессии как в собственный адрес, так и в адрес российского общества со стороны зарубежных и отечественных медиа.

«Авторитетное мнение» преимущественно используется в контексте высказываний президента РФ и депутатов Государственной Думы, которые не обладают ярко выраженной экспрессией и не содержат обличительных, обвинительных и уничижительных элементов. В большинстве своем

подобные материалы выглядят как аналитические статьи с экспертным мнением и прогнозом на дальнейшее развитие событий.

Однако российские СМИ активно используют «трансфер негативной коннотации» в отношении отдельных лиц: политической элиты Украины, лидеров и военных националистических бандформирований, боевиков АТО.

Эффективнее всего на аудиторию воздействует совокупность приемов: «игра на эмоциях и панэтизм» и «блистательная определенность». Данные приемы наиболее распространены в российском медиа пространстве, так как первый привлекает аудиторию описанием повседневной жизни населения пострадавших республик, несправедливостью в отношении ополченцев, ужасами и преступлениями боевиков. Подобные материалы обычно сопровождаются выраженной авторской оценкой по отношению к персонажам, их поступкам и событиям окружающей среды. Второй прием предполагает афиширование высоких моральных качеств России, которые демонстрируются в сообщениях об отправлении в пострадавшие районы ДНР и ЛНР гуманитарной помощи. Для отечественной медиа среды характерно поддержание имиджа государства в положительном ключе. Таким образом мы часто можем видеть новости о том, что Россия отправила колонну гуманитарной помощи, простила миллиардовый долг или бесплатно предложила дружественному государству газ. Таким образом освещалась аннексия Крыма в 2014 году [Игорь Дмитров 2016, lenta.ru]. Еще одной формой панэтизма в российских СМИ можно назвать материалы, в которых раскрываются исконно родственные отношения между украинским и русским народами.

Перечисленный выше прием также активно сочетается с «подтасовкой карт»: на фоне миротворческих операций СМИ могут умалчивать о нахождении российских военных и добровольцев на территории вооруженного столкновения.

В контексте рассматриваемого конфликта можно увидеть закономерность использования различных приемов информационной войны:

гибридные элементы в публицистике и журналистских материалов проявляются в формате «нападение – защита». Например, на «прямое обвинение» украинских СМИ, российские отвечают «отрицанием». Таким образом мы можем видеть общую картину информационной стратегии в российско-украинском гибридном конфликте, которая обладает схожими характерными чертами, присущими постсоветскому периоду.

2.2. Гибридные элементы ведения информационной войны в военной публицистике Захара Прилепина

Вооруженный конфликт на востоке Украины – это один из самых дискуссионных вопросов XXI века. Сложность данной конфронтации проявляется в полярности суждений относительно его причин и следствий, виноватых и причастных. Ранее в исследовании мы уже говорили о том, что данный конфликт обладает рядом характеристик, которые позволяют определять его как гибридную войну – вооруженное столкновение, которое поддерживается технологиями информационного и психологического воздействия на массовую аудиторию. Причем под массовой аудиторией стоит понимать не только население конкретной области, но и все мировое сообщество, которое наблюдало посредством СМИ, происходящие события в Украине. Однако в данном исследовании мы будем рассматривать гибридное противостояние между российской и украинской военной журналистикой, а также процессы, которые предполагает тактика гибридной войны в медиа пространстве.

В качестве эмпирического материала нами были выбраны тексты двух журналистов: российского – Захар Прилепин и украинского – Виталий Портников. Контент-анализ должен показать, какие гибридные технологии встречаются в текстах журналистов, соответствуют ли выявленные приемы и методы стандартам журналистской этики.

Перед тем как начать непосредственно контент-анализ публицистики военного писателя и журналиста Захара Прилепина, считаем необходимым рассказать некоторые биографические особенности данной персоны.

Захар Прилепин или Евгений Николаевич Прилепин является писателем, журналистом, режиссером, актером, общественным и политическим деятелем, военным. Это многогранная личность, с длинной биографией, в которой нас будут интересовать три категории его жизни: журналистика, военная служба, общественная и политическая деятельность.

Профессиональной журналистикой Прилепин начал заниматься в 2000 году, получив место корреспондента в нижегородской газете «Дело». В редакции он работал под псевдонимом «Евгений Лавлинский». Через год в этой же редакции занял место главного редактора. В последующие годы выступал в качестве главного или шеф-редактора в различных газетах Нижнего Новгорода («Новая газета», «Народная газета»), параллельно совмещая редактуру с публикацией авторских материалов в собственных колонках («Известия», «Огонек», «Story» и других). На телевидении Прилепин появился в 2013 году на телеканале «Дождь», где вел авторскую программу «Прилепин». В период с 2015 до 2017 года являлся ведущим музыкального шоу «Соль» на телеканале «РЕН-ТВ», а с 2016 года – авторской программы «Чай с Захаром» на телеканале «Царьград». В ноябре 2017 года начинает вести новую программу на «НТВ» – «Захар Прилепин. Уроки русского», которая продолжает выходить на данный момент.

Публицистика Захара Прилепина вышла в массы в 2003 году, как он сам отмечал по счастливой случайности, когда о нем написали известные критики. В 2005 году писатель стал финалистом 9 отечественных и зарубежных премий, лауреатом в 35 номинациях различного характера (за литературные, общественно-просветительские, гуманитарные, кинематографические достижения). Книга «Некоторые не попадут в ад», которую мы будем анализировать в данном исследовании, в 2020 году была признана лучшей в номинации «Художественная литература» по итогам национальной премии «Лучшие книги и издательства года». Его литературные труды издавались на 30 языках мира, но после событий 2014 года многие зарубежные издательские

дома прекратили контракты с Прилепиным. Причиной тому послужил факт вступления в вооруженное формирование Донбасса.

Украинский вопрос занимает отдельную нишу в биографии публициста, которая непосредственно связана с его военной и журналистской деятельностью [Ирина Петровская 2019, novayagazeta.ru]. В самом начале вооруженного конфликта в 2014 году Захар Прилепин выступал в качестве военного корреспондента от Донецкой и Луганской Народных Республик. Его материалы были опубликованы в газете «Комсомольская правда» и в интернет-издании «Свободная пресса», в котором с 2012 года являлся шеф-редактором. Одновременно с журналистской деятельностью он осуществлял благотворительные операции, собирая для жителей пострадавших районов гуманитарные грузы с помощью собственных читателей. Таким образом в 2015 году было собрано около 12 миллионов рублей для жителей Донбасса. Данный эпизод был запечатлен в документальной картине «Не чужая смута» (несколько позднее выйдет одноименная книга о вооруженном конфликте на востоке Украины).

Однако с декабря 2015 года Прилепин перестает выступать в качестве военного корреспондента и становится полноценным военным: занимает пост советника главы ДНР Александра Захарченко. В 2016 году получает звание майора. В 2018 году после многочисленных угроз со стороны правительства Украины возвращается на территорию России. С точки зрения журналистской этики, публицист нарушил одно из главных правил – не брать в руки оружие, то есть сознательно становится частью вооруженного формирования. Однако это не умаляет достижений на журналистском и литературном поприще в качестве публициста, так как именно благодаря участию этой персоны в конфликте, мы можем узнать вещи, которые не доступны для зрителей телеэкранов.

Освещая гражданскую войну на востоке Украины, Прилепин придерживается официальной информационной стратегии правительства Российской Федерации, которая заключается в отрицании причастности в

эскалации конфликта России и ее политических лидеров. Однако считать публициста «пророссийским» журналистом трудно, так как он неоднократно критически высказывался о системе управления государством, выражал недовольство в отношении конкретных персоналий. В самые разные промежутки своей жизни он проявляет неоднозначную политическую принадлежность: в 2007 году он просил президента об амнистии политзаключенных нацболов и сам состоял в национал-большевистской партии; в 2014 году (после аннексии Крыма) поддержал решение правительства; в 2019 году на интервью с Пивоваровым подверг критике некоторые аспекты правительственных действий и признался в прямом участии в вооруженном столкновении; в 2020 году организовал политическое движение и партию «За правду», заняв место председателя, и входил в рабочую группу по подготовке внесения поправок в Конституцию РФ.

В 2014 году на интервью в авторской телепрограмме Познера он обозначил причины конфликта: гражданская война в Украине – это не что иное как последствия пропагандистских операций «холодной войны» в период «Перестройки» (тогда ставились под сомнения все достижения государства и ее граждан). Публицист объяснил, что после того, как СССР прекратил свое существование, Украина превратилась в государство без единой истории и культуры и попала под влияние европейского зеркала. Таким образом к первому пятилетию XXI века Украина представляла собой территорию, на которой существуют два полярных государства: восточное и западное. Первое ввиду территориальной близости с границей России осталось приверженцем советских социокультурных особенностей, второе предпочло ассимилировать европейские ценности с традиционным строем жизни. Однако он отметил, что интересы Украины не являются приоритетными для Евросоюза, и ее граждане никогда не станут европейцами в цивилизационном понимании [Катерина Аврамчук 2014, www.insider.ua]. Возвращение Крыма в состав российской территории Прилепин назвал реваншем за события 1991 года.

Публицистика Захара Прилепина, по мнению многих критиков может встать в один ряд с военной прозой таких литературных деятелей как Аркадий Бабченко и Александр Карасев. Из произведений нами были выбраны: роман-фантазмагория «Некоторые не попадут в ад» (2019) и сборник репортажей, путевых очерков и хроники «Не чужая смута» (2015). Обе книги объединяет общая проблематика: вооруженный конфликт на востоке Украины, повлекший за собой конфронтацию на мировом геополитическом пространстве, тысячи человеческих жертв и эскалацию этнического противостояния. Однако разница в произведениях существенная: первое можно назвать исторической повестью с элементами хронологии, очеркистики, портретных зарисовок, путевых заметок, описанием батальных сцен. Второе – сборник очерков, путевых заметок и эссе, фельетонов и памфлетов, которые охватывают огромный тематический пласт одного временного промежутка.

Книга «Некоторые не попадут в ад» открывает перед читателем проблемы, связанные непосредственно с вооруженным конфликтом: быт ополченцев, боевые операции, политическое устройство самопровозглашенных республик, социально-этнические и экономические проблемы армии Новороссии. Автор уделяет должное внимание вопросу взаимодействия российских властей с донецкими и луганскими формированиями, украинской проблеме в контексте российско-украинских отношений и соблюдению мирных договоренностей. В книге также явно выражена позиция автора относительно мирового медиапространства и влияния информационной войны на ход военных событий.

Контентный анализ доказал, что основополагающей чертой данного произведения, как и любой другой отечественной военной прозы, является панэтизм или «игра на эмоциях» – стремление воздействовать на аудиторию посредством описания действий персонажей или событий, не явно или открыто давая оценку с моральной и этической точки зрения. Такие приемы часто встречались в литературе Симонова, Эренбурга, Кольцова, Шляпникова,

Егорова и других. Данный прием Прилепин осуществляет посредством портретного описания основных персонажей: Глава Республики Александр Владимирович Захарченко (или Батя), Злой, Тайсон, Шаман, Кубань, Граф, Казак, Томич, Араб, Ташкент, Трамп – сослуживцы автора, которые взаимодействуют с ним на протяжении всей истории. Данный прием воздействует на читателя: мы проникаемся эмпатией к персонажам, их поступкам, взаимоотношениям между сослуживцами, биографии до и после Майдана. Личная оценка автора (он сам был участником тех событий) только усиливает эмпатию: «Заботливей его я, со времен своего детства, никого не знал: Злой всегда сек, чего у меня не хватает в «эрдешке», и, не успею подумать, – закупал, находил, укладывал; за ужином вспомню: так, бойцы то пожгли, это отстреляли, остальное сожрали... – Злой, тихим твердым голосом: «Все лежит, Захар, все лежит уже»; утром выйду – у меня то берцы на батарее, то перчатки... Иной раз чуть не расплачешься» [Прилепин 2019, с.126]. Чрезмерная эмотивность текста в некоторых местах добавляет эффективности приему. Например, «мы никого из раненых не увольняли, был у нас такой принцип – все покалеченные оставались служить на разных, не требующих полного наличия всех органов, должностях: по хозчасти, на камерах слежения при располаге, тому подобное» [Прилепин 2019, с.212]. Указание автора на благороднейшие человеческие чувства, которые в отечественной литературе веками транслировались как неотъемлемые составляющие образа «человека чести», это есть «игра на эмоциях» – воздействие на психологию читателя.

«Авторская оценка» – один из приемов, который обладает способностью «перетягивать на свою сторону» читателя. Особенно эффективен данный прием, когда социокультурные и цивилизационные, иногда и политические, ценности и установки вписываются в понимание аудитории. Таким образом автор пишет: «Европейцы могли сколько угодно носить личину цивилизованных людей – но они знали толк в убийствах, они знали толк в фарисействе, они знают толк в дипломатии» [Прилепин 2019, с.277].

Этот же прием срабатывает в сочетании с «трансфером негативной коннотации», когда происходит прямое обвинение, осуждение конкретного персонажа или всей политической системы Украины, которая не знает «степеней бесстыдства» (чаще всего обвинение выдвигалось в адрес Яценюка и Порошенко). Или при упоминании минских соглашений, по заключению которых ни армия ДНР и ЛНР, ни украинские войска не должны были вступать в вооруженное столкновение. Однако, не воспринимались ни одной из сторон и действовали по принципу «не-мира-не-войны».

Проблема памяти, проявляющаяся как конкретное отрицание Украиной совместного исторического опыта с Россией, так и философская категория, на страницах книги превалирует в контексте украинско-русских отношений. Прилепин иногда использует аллегории с явным ироничным подтекстом. Например, таким образом он описывал эпизод после бомбардировки украинской армии под Троицком, когда по случайности ополченцы обнаружили стадо гуляющих по лесу коз и ранили одну в ногу: «Опыт предыдущих перестрелок ничему коз не научил: забывали пережитое на другой же день. Память хуже, чем у людей» [Прилепин 2019, с.45]. Эта проблема часто соприкасается с общенародной памятью, которую киевские украинцы желают забыть, очевидно находясь под влиянием пропаганды нездоровых националистических движений, граничащих с фашизмом. Об этом Прилепин говорит практически на каждой странице книги, потому что эти проблемы актуальны, злободневны – это одна из задач публициста, журналиста, писателя и политика. Использование экспрессивных выражений, приемов, привлекающих внимание в таком случае необходимо, даже если они чрезмерны, так как автор видит очевидным смену цивилизационных ориентиров Украины, которые опираются на западный опыт. Он указывает на уже произошедшие процессы: целенаправленную социально-этническую трансформацию, которая привела к формированию нового политического сообщества, способного на жестокость по отношению к собственным гражданам, насилию, преследованию и принуждению.

«Опровержение или прямое отрицание» – один из приемов необходимых в военной прозе, особенно если автор был свидетелем гражданской войны, по причине отстаивания чести и честности государства. Захар Прилепин использует данный прием в двух случаях:

- относительно причастности российской власти к гражданской войне в Украине;
- участия (и характера данного участия) самого автора в вооруженном конфликте.

В медиапространстве распространилась и укрепилась позиция, что Прилепин отправился на Донбасс для собственной «PR-акции» [Прилепин 2019, с.38]. Как только мировое сообщество получило информацию, что русский писатель служит офицером при Главе Республики Захарченко, началась информационно-психологическая война: «С той стороны метали фейки как икру» [Прилепин 2019, с.359]. По этому поводу он написал: «Мировые новостные ленты время от времени дают информацию, вообще не имеющую отношения к действительности» [Прилепин 2019, с.106]. Эту строчку также можно отнести в защиту минобороны России, которая придерживается позиции, что на территории Украины нет российских военных. Однако в книге автор не единожды упоминает присутствие правящей руки и указание из Москвы относительно ведения операций, перемещения батальона и принятия некоторых решений.

Проблематика роли России в конфликте на востоке Украины – попытка оправдания, которая, однако, не возымела нужного эффекта. Во-первых, потому, что Прилепин прямым текстом пишет, что в армии ДНР присутствовали специалисты, которые имели прямые указания из Москвы. Во-вторых, в рядах ополченцев действительно были русские и украинцы, казахи, которые считали себя русскими. Этнический состав ополченцев представлял собрание всевозможных национальных единиц, на добровольных началах отправившихся в зону вооруженного конфликта (многие отправлялись на войну, потому что там платили): казаки, украинцы, русские, казахи, финны,

чеши, осетины, черкесы, якуты, сербы и еще многие, кого он не назвал [Прилепин 2019, с.5-8, 178, 226]. Особое внимание Прилепин уделяет чеченцам, возможно потому, что принимал участие в чеченской кампании в конце XX – начале XXI веков.

Использование приема «отрицания или оправдания» не смог в полной мере сработать еще и по той причине, что информационное противостояние постоянно поддерживается новыми фактами или «фейками» с противоборствующей стороны. Естественно, что антироссийская пропаганда и просвещенная публика, которая принимает каждое сообщение об агрессии со стороны России за чистую монету, куда более эффективны, чем публицистика русского писателя.

Единственный способ компенсировать слабость оправдания или отрицания – прием «блистательной определенности» или уже известный нам панэтизм: описание быта ополченцев, отношения между родственниками, оказавшимися по разные территориальные границы, психологические портреты персонажей, которые позволяют разделить их по принципу «друг - враг». В данном случае превалирует украинская проблема: ополченцы, как и украинские войска воевали против собственного народа, с необъяснимой жестокостью за чуждые конкретному этносу ценности. Более подробно о сущности конфликта Прилепин рассуждает уже в сборнике «Не чужая смута», который составлен из его коллекции постов в социальных сетях, путевых записок, очерков и эссе.

В тексте автор приводит примеры писем и комментариев под его постами в социальных сетях, в которых ярко-выражена ненависть к «сепаратистам», «оккупантам» и «пророссийским террористам», посягающим на целостность украинского государства. Эти строки пишут пожилые женщины, молодые люди, профессора университетов и школ, поэты, политики и режиссеры, продвинутая либерально-настроенная публика.

Если «Некоторые не попадут в ад» – повесть о событиях и участниках конфликта, ода и дань памяти людям, которые отстаивали национальные

интересы, то «Не чужая смута» о причинах гражданской войны, роли России, Европы и Украины. Это своего рода исследование современности, обладающее необходимыми чертами памфлета и фельетона. Необходимость обусловлена реакцией автора на очевидные элементы гибридной войны, о которых он пишет в книге: отрицание общего исторического прошлого России и Украины под эгидой агрессивной политики России; открытое обвинение в отношении главы государства обусловленное той же агрессивной политикой и неевропейским отношением к украинцам. Сарказм и ирония в тексте необходимы, чтобы читатель правильно мог истолковать информацию, которая иногда может показаться неуместной или неправильной.

Последний тезис подтверждает автор, используя прием «развенчивание мифов». Это касается антикоммунистических или антироссийских настроений, которые уже обладают яркими оттенками русофобии. Например, автор говорит об основах праволиберального консенсуса, суть которого заключается в понимании коммунизма как политики умышленного уничтожения украинского народа, в том числе с помощью «голодомора», его культуры и самобытности. Однако, затем он приводит реальные факты: многие украинские культурные классики были социалистами, украинский народ поддерживал большевиков, советская власть дала Украине возможность эмансипировать собственный язык и развить образование [Прилепин 2015, с.15]. То же касается сносов памятников Ленину во время Майдана, за который выступали и который поддерживали и либералы, и националисты, и «левые». Однако, когда начали уничтожать памятники социализму, а «левые» начали вести дискуссии по поводу нецелесообразности данного деяния, они неожиданно стали мишенью недавних соратников. Прилепин по этому поводу заметил: «Естественно в рядах российской либерально интеллигенции на это никто не обратил внимания – еще чего» [Прилепин 2015, с.76-77]. Следующими были обмануты русские активисты киевской революции: Рада выпустила указ о потере русским языком регионального статуса. В общем итоге публицист заключает, что в мировом геополитическом пространстве

укрепились русофобские настроения, проявляющиеся в большей или меньшей степени в зависимости от территории. В Украине, например, в большей степени.

Среди элементов гибридной войны, о которых пишет автор, мы выделили информационную стратегию СМИ: умалчивание или «перетасовка карт». Прилепин отметил, что СМИ намеренно умалчивают о бомбардировках Донецкой и Луганской Республик. Причиной указал либеральное настроение, которое не позволяет «разжигать зло» [Прилепин 2015, с.323]. Однако, тут же добавил, что «разжигать Майдан» было можно и нужно, естественно сохраняя саркастичную тональность высказывания. Через десять страниц он вспоминает о малазийском Боинге, в ликвидации которого также обвинили главу государства с твердой уверенностью в данном утверждении, потому что десяток английских газет заявили об этом с утра [Прилепин 2015, с.333-336]. Ирония, граничащая с анекдотичностью, – один из приемов воздействия на читателя. Подобное вызывает смех, поддержку позиции автора, негативное отношение к событию, персонажу, явлению. Иначе нельзя воспринимать ситуацию: украинская национальная гвардия заявила, что заминировала под Луганском электростанцию, которая через несколько дней взорвалась, в чем была обвинена Россия. Автор добавил: «Потому что Российская армия очень боится света и не любит воды» [Прилепин 2015, с.361].

В сборник были включены не только наблюдения автора относительно боевых операций, политических и общественных событий. В нем также содержатся переписки в социальных сетях, прочитав которые можно убедиться в адекватности или неадекватности персоналий, с которыми они ведутся. Здесь явно усматривается прием «ссылка на авторитетное мнение». Причем применяется он в двух направлениях: для трансфера негативной и положительной коннотации. Например, используя высказывание Марин Лен Пен о том, что «Европа – это СССР в наихудшем его виде», он дискредитирует позицию украинских студентов, скачущих и выкрикивающих нацистские лозунги [Прилепин 2015, с.26-29]. Здесь положительная

коннотация направлена на позицию автора текста, который объясняет читателям, что Европе дела нет до «многострадальной» Украины. В случае с ссылкой на мнение украинских блогера и журналиста Айдера Муждабаева и поэта Олесь Бузины о рабском самосознании «советских» явно видна негативная коннотация в отношении высказавшихся [Прилепин 2015, с.49-51].

У Захара Прилепина простая и экспрессивная лексика, позволяющая быстро объяснить собственную позицию и опровергнуть мифы, фейки, ответить на провокационное сообщение. Стилистика книги также позволяет включать лексику заимствованную, которая служит следующим маркером гибридности – «ярлыки». Среди таких наиболее часто встречаются: «москаль», «холуй», «шляхта», «ватники», «колорады», «сепары», «киборги», «западенцы», «укропы» или «укры», «правосеки», «майдауны» [Прилепин 2015, с. 33, 98, 359, 385, 378, 399].

Смыслы у публициста также выражены ясно:

- Евросоюз никогда не будет воспринимать Украину как равную страну, только потому что только в 2014 узнали, что она не входит в состав Украины [Прилепин 2015, с.56-57, 66].

- Обвинения Януковича в финансировании фашистских настроений, транслируемых с телеэкранов страны Тягнибоком, предоставляла правительственные кабинеты для совещаний ВО «Свобода» [Прилепин 2015, с.14].

- Обвинение властей Украины, причем всех президентов страны) в коррумпированности [Прилепин 2015, с.35, 53].

- Российская либеральная общественность чаще лицемерит по поводу аннексии Крыма, чем сопереживает людям, которых якобы насильно оторвали от родной страны (несмотря на данные экзит-пулла равные 93 процентам – за) [Прилепин 2015, с.110].

- Исторически мы (то есть славяне) все произошли из одного места – Русь, потому что никакой Украины до Советского Союза не было [Прилепин 2015, с.433].

Публицистика Захара Прилепина возможно один из немногих источников, которые можно обозначить как достоверные. Во-первых, данная личность принимала непосредственное участие в обозначенном вооруженном конфликте. Мы не будем рассматривать данный факт с точки зрения этики журналиста, так как факт нарушения существует: журналист не имеет право брать в руки оружие, если хочет оставаться в статусе военкора. Однако историческое и журналистское сообществе не осуждают Михаила Кольцова, Константина Симонова за участие в вооруженном столкновении не только в качестве военкора.

В нашем исследовании мы рассматриваем гибридные элементы ведения информационной и психологической войны, способы их влияния и эффективность воздействия. В данном параграфе перечислены основные приемы, которые можно обнаружить в современной российской военной журналистике. Эффективность воздействия можно оценить, опираясь на сообщение украинского интернет-портала о запрете книг Прилепина на территории Украины [Госкомтелерадио запретило... 2018, lb.ua]. Запрет на доступ к информации – один из признаков, указывающих на присутствие в российско-украинских отношениях элементов гибридной войны. Так как любая информация, не соответствующая информационной стратегии, может подорвать доверие к государству, правящей элите, распространить среди населения новые поведенческие установки. Об эффективности его публицистики также говорят рейтинги: в 2019 году писатель стал самым влиятельным литератором десятилетия, опередив Виктора Пелевина и Дмитрия Быкова более чем на 200 голосов [COLTA.RU выявила... 2019, www.colta.ru]. Соответственно, аудитория писателя уже являются носителями той информационной стратегии, которую автор обозначил на страницах книг, и которая в большей степени соответствует официальной государственной установке.

2.3. Гибридные элементы ведения информационной войны в журналистике Виталия Портникова

Виталий Эдуардович Портников – украинский журналист, освещающий преимущественно политические и военные проблемы XXI века: вопрос российско-украинской конфронтации со времен Горбачева до последних событий – избрание президентом Украины Зеленского и его политического курса. Данная персона также является обозревателем в российской редакции радио «Свобода», где ведет авторскую рубрику «Дороги к свободе», посвященную событиям Евромайдана и его последствиям, а также разбирает проблемы постсоветского пространства. На украинском телевидении Портников известен в качестве аналитика, политически направленного журналиста (данную позицию не отрицает). Является колумнистом в изданиях различных стран: Украина, Белоруссия, Польша, Латвия, Израиль, Россия.

Журналистский опыт Портников начал получать на территории Российской Федерации: получал высшее образование в Московском Государственном Университете на факультете журналистики. В России же стажировался в ряде печатных изданий, среди которых можно отметить: «Русский телеграф», «Ведомости», «Время МН», «Независимая газета» и другие. В украинских СМИ работал в качестве корреспондента и шеф-редактора в следующих изданиях: «Зеркало недели», «День», «Корреспондент», «Деловая неделя», «Газета 24». На телевидении вел передачи на телеканалах «К1», «ТВі», «Эспресо ТВ».

В первом десятилетии выпустил четыре книги, в которых описывал развитие постсоветского пространства в контексте современности. В 2019 посвятил книгу «Колокола Майдана» событиям 2014 года, определив их как «оккупацию части украинских территорий» [Портников 2015, lb.ua]. Основными темами в произведении были: анализ современных процессов развития украинского государства после Майдана; консолидация национальной идентичности народа Украины с целью формирования протестных движений против гибридной войны, которую ведет Россия.

Во время событий Майдана в ноябре 2013 года входил в состав активистов движения, параллельно освещая конфликт с ярко-выраженной авторской позиции, которая в последствии способствовала одобрению его кандидатуры новой украинской правящей структуры. Однако в начале 2014 года, спустя два месяца после начала протестных движений на территории Украины покинул страну и переехал в Варшаву до момента прихода к власти Порошенко, которого поддерживал по политическим соображениям. В 2015 году при поддержке Национальной общественной телерадиокомпанией Украины стал представителем фракции «Народный фронт».

В российских СМИ и ряде украинских Портников представлен в качестве пропагандиста, который намеренно разжигает недовольство населения устрашающей информацией или откровенными «фейками». Его политические и общественные взгляды напрямую прослеживаются в журналистских материалах, которые нередко обладают ярко-выраженными чертами национализма, русофобии и призывом к продолжению вооруженной конфронтации. За распространение недостоверной, порочащей и недобросовестной информации в 2018 году Портников был внесен в список граждан Украины, против которых Россия выдвинула санкционные меры [Россия ввела... 2018, delo.ru].

В первом параграфе второй главы мы говорили об общей украинской тенденции в освещении российско-украинских отношениях, которая характеризуется распространением негативных коннотаций в отношении правящей власти России и конкретных политических лидеров. Основная информационная стратегия Портникова связана с присоединением Крыма и Севастополя к территориям РФ, согласно которой данные мероприятия являются незаконными и могут рассматриваться как вмешательство России во внутренние механизмы Украины, противоречащее международным законам. Данную точку зрения поддержали ряд Европейских стран и США.

Для контент-анализа с целью выявления гибридных элементов ведения информационного противостояния в журналистских материалах были

выбраны случайные статьи Виталия Портникова в различных интернет-ресурсах. Среди таковых мы выделим украинские издания: «NV.ua», «Радіо Свобода», «Главред», «LB.ua».

В журналистских материалах Виталия Портникова присутствуют стандартные приемы ведения информационной войны. Наиболее популярным приемом в его текстах является «трансфер негативной коннотации» в отношении политического лидера государства – президента В. В. Путина. Чаще всего данный прием действует в сочетании с «авторитетным мнением» и «навешиванием ярлыков». Подобная конвергенция проявляется следующим образом: «Он – царь и чхать хотел на разные там соглашения» [Портников 2013, glavred.info]. «Авторитетное мнение» может быть выражено авторской позицией, так как в собственной стране Портников является одним из ведущих журналистов и известной медиа личностью. Второй вариант использования приема выглядит следующим образом: журналист использует цитаты известных политиков, культурных и общественных деятелей, которые уже обладают негативной семантикой, затем придавая выражению новые смыслы.

Ярлыки, которыми одаривает журналист главу государства создают образы «самодура», стремящегося подчинить все мировое геополитическое пространство любым путем в кратчайшие сроки, невзирая на международные документы. Открытое указание на неправомерность заявлений или действий главы государства – показательная насмешка над системой избирательной власти и недалекости народа, который конкретную власть выбирает. В этом же тексте Портников сравнивает президента «подростком» и «незадачливым начальником», который поступает в соответствии с собственными убеждениями правоты, а его подчиненные в последствии обязаны перевернуть реальную картину мира. Таким образом он пишет: «Путин выступил, и, как только в ООН вспомнили о несоответствии его инициативы характеру достигнутых договоренностей, российский МИД принялся "отбеливать" незадачливого начальника, убеждая всех вокруг, что договоренности 40-

летней давности ничего не стоят, что их заключали во времена холодной войны, что сейчас другие реалии...» [Портников 2014, glavred.info].

Следующим сочетанием с приемом «трансфер негативной коннотации» выступает «прямое обвинение» главы государства. Например, журналист обвиняет главу в обмане собственного народа: «Поэтому разворот на Восток – это скорее телевизионная сказка для дезориентированных российских граждан, начинающих осознавать весь кошмар экономических последствий агрессии против Украины» [Портников 2013, glavred.info]. Еще одна вариация воздействия – «прямое обвинение» в чрезмерной агрессивности по отношению к Украине: «По большому счету, Кишинев и Тирасполь стали заложниками антипатии, испытываемой Владимиром Путиным к Виктору Януковичу и раздражения по поводу нежелания украинского президента коленопреклоненно вползти в Таможенный союз» [Портников 2013, glavred.info].

Как показало исследование публикаций Портникова, основная черта практически каждого текста – вменить президенту РФ все возможные порочные характеристики, представить его в качестве «обманщика», «агрессора», «императора», «рабовладельца», «гопника», «главаря банды», «идеолог победобесия» [Портников 2018, glavred.info]. Политическая дискредитация лидера государства приводит к формированию неоднозначных мнений в общественной среде. Данное формирование предполагает дальнейшее развитие недовольства населения. Однако, данную позицию можно раскритиковать с точки зрения необходимости плюрализма мнений. Абсолютно верно суждение, что плюрализм позволяет развиваться, исправляя недостатки, выявленные посредством дискуссии. Но если необходимый плюрализм посягает на достоинство конкретной личности, то речь идет о намеренном воздействии на аудиторию с целью формирования негативного образа.

Одно из наиболее активных обвинений в адрес президента – пособничество и финансовое спонсирование ультраправых и левых радикалов,

неофашистов, террористов с целью развалить Европейский союз и восстановление сфер влияния на территориях, которые были потеряны СССР после поражения в «холодной войне». В доказательство Потрников приводит ситуацию, которая к политике имеет отношение разве что номинальное. В статье журналист освещает факт присутствия президента РФ на свадьбе австралийского министра иностранных дел Карин Кнайсль. Потрников уличил министра в том, что ее кандидатура была выдвинута по квоте АПС – организации, обладающей генеалогической связью с национал-социализмом, нацизмом и фашизмом. Соответственно, по логике автора, президент РФ спонсирует и поддерживает любые формирования, способные нанести вред целостности Европы. Таким образом перед Украиной открывается прямая угроза «гибридной войны», суть которой Потрников видит в оккупации территорий при поддержке местного населения восточных территорий, формировании ложного представления о характере военных действий и дальнейшем контроле над политической системой страны [Портников 2019, lb.ua].

Как мы уже отмечали ранее, одна из характерных особенностей украинской журналистики после событий 2014 года – нивелирование заслуг СССР в международном пространстве, в частности данная тенденция относится к Великой Отечественной войне, а также отрицание общей истории и культуры. У Потрникова отношение к проблематике роли Украины в Советском Союзе и событиям ВОВ выражается однозначно: Россия является правопреемницей СССР, вбирая в себя все негативные стороны сталинской системы правления, которую активно применяет президент РФ. После Майдана словосочетание «совковая Россия» или «путинская Россия» являются мерилем уровня демократии, справедливости, адекватности и человечности, явно несущие в себе негативные смыслы. Иными словами, задача таких выражений – создать конкретный образ СССР, формируя в сознании массы убеждения, что проблемы, с которыми сегодня сталкивается украинское

государство – это последствия коммунизма. Для выполнения данной задачи обычно используются следующие пути:

- выражение сомнений в правомерности и демократичности действия СССР во время Второй Мировой войны (затрагивается проблема Финской войны) [Портников 2016, lb.ua];

- обнародование якобы достоверных фактов и предъявление доказательств тирании сталинской политики в отношении Украины (затрагивается проблема голодомора, расстрелов и геноцида);

- переписывание исторических данных в угоду новым требованиям (СССР вторглись в Польшу и проводили на территории оккупированной страны военные операции, СССР сотрудничала с фашистской Германией).

В таком случае провокация рассматривается не просто в качестве распространения недостоверной или порочащей память информации, но это попытка переписать историю, заставить население признать, что весь период пока Украина входила в состав союзных государств, она являлась колонизированными территориями [Портников 2020, lb.ua]. Причем обнародование якобы реальных фактов того времени или историй людей военных лет постоянно сопровождается сравнительным анализом Запада и «совка». Естественно, положительные роли в обозначенном журналистом противостоянии отдаются, с его субъективной точки зрения, Западу [Портников 2016, www.svoboda.org]. Например, в одной статье он рассуждает на тему празднования юбилея победы над фашизмом: «Было ясно, что есть два праздника победы. Один отмечали на Западе не просто как день уничтожения нацизма, но и как день свободы – именно после краха гитлеровского режима Европа смогла, наконец, вздохнуть. А второй – советский День Победы – был скорее праздником триумфа империи, отмечавшимся истуканом-императором и его вассалами. Ни о какой свободе в этом праздновании и речи быть не могло» [Портников 2015, nv.ua]. У Портникова в данной статье четко видно сопоставление России и фашистской Германией: проводит параллели современной политической системы с коммунизмом, который называет не

иначе как «сталинский рейх»); воодушевленно представляет продуктивное экономическое и культурное будущее России, если страна станет равняться на Америку и ее демократические постулаты; дает характеристику современного политического режима в России, который по его мнению все больше напоминает классический фашизм. Портников определяет главную характеристику нынешнего режима: антиамериканизм, забывая кажется, что его собственные статьи выглядят, и являются, не иначе как пропагандой антикоммунизма и русофобии.

Более того некоторые журналистские материалы достигают апогея неадекватности. Пренебрегая всеми стандартами честной и объективной журналистики, Портников использует совокупность приемов наиболее опасных: «дезинформация» и «перетасовка карт». Опасными данные приемы можно считать потому, что проверка информации, преподносимой таким образом, осуществляется двумя способами. Первый предполагает, что транслируемая информация – это общеизвестный факт, который доказан на разных уровнях: подкреплен международными документами, свидетельствами участников и фактом свершения действия. То есть в достоверности сомневаться нет нужды. Второй способ предлагает доказательную базу в качестве веры или моды. То есть если в Украине сильны антикоммунистические настроения, то любая информация, соответствующая запросам массы, будет квалифицироваться не иначе как правда. Таким образом ее нельзя оспорить пока не сменится мода, а значит невозможно дискредитировать быстро и в полной мере. Например, в статье журналист совершенно серьезно, без доли иронии, заявляет, что «советский империализм объединился с немецким фашизмом, чтобы уничтожить “уродливое дитя Версальского договора” (речь идет о Польше)» [Портников 2014, nv.ua].

Удивительно, что на фоне подобных заявлений он успевает использовать прием «общий вагон». Причем использовать его в двух направлениях: относительно украинского и российского народов. В первом случае он прибегает к стандартному объединению собственного самосознания

с сознанием народных украинских масс посредством общего местоимения «мы». Таким образом журналист пишет: «Именно поэтому мы стали восприниматься уже как часть внешнего мира, как «пиндосы», «гейропа», «ляхи», «жиды». Именно поэтому нас больше не жалко. Но мы – не отрезанный ломоть. Мы – отобранный ломоть. Отобранный «пиндосами». Впереди у нас годы ненависти» [Портников 2014, nv.ua].

Во втором – жители России предстают перед аудиторией в образе «жертвы режима», которые вынуждены существовать в реалиях, или покидать пределы своей родины, выезжая за границу [Портников 2015, nv.ua]. Предсказывая крах экономической и социальных систем РФ, Портников объясняет, что наступающий кризис необходим в первую очередь для самой «маргинальной» страны и ее граждан. Россияне должны, по его мнению, увидеть нынешний уродливый режим и начать процессы формирования децентрализованной управленческой структуры, предоставляющей полную власть и обособленность отдельным регионам. Иными словами, призывает к расколу территориальной целостности страны [Портников 2014, nv.ua]. Однако и обвинить русских он также успевает: «Издевались над правдой чуть ли не всей страной – от президента до народных артистов и прохожих на улицах. Напускали тумана про Крым, про "референдум", "независимость" и возвращение в "родную гавань"» [Портников 2018, glavred.info]. Позиция журналиста обладает способностью резко меняться, определяя те или иные роли и ярлыки для объектов собственного субъективного обозрения. Как журналист он может критиковать и анализировать политическую и военную ситуацию, прогнозируя возможные варианты развития событий. Однако статус журналиста также обязывает Портникова сдерживать себя в плане высказываний и разжигания розни между народами, этносами и культурами. К сожалению, его материалы не соответствуют общеизвестным стандартам этики и объективности. Следовательно, вывод формируется самостоятельно: журналистика Портникова – плацдарм для пропаганды антироссийских настроений. Если учитывать что в Украине журналист является одной из

известных медийных фигур, которая обладает высоким количеством эфирного времени, а его авторская позиция напрямую зависит от официальных государственных установок (еще со времен Майдана), то большинство граждан Украины, которые в 2014 году поддержали П. Порошенко, будут придерживаться авторитетного мнения журналиста и придерживаться его информационной стратегии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проводимого исследования удалось установить, что военная журналистика на протяжении всего отечественного опыта находилась под ведомственным контролем в большей или меньшей степени, начиная с XIX века и заканчивая современными реалиями.

Нами были выявлены основные цели и задачи «гибридной войны»; рассмотрены отечественные и зарубежные концепции информационного противостояния; дана характеристика и классификация «гибридной войны» и войн поколений.

Мы также пришли к выводу, что феномен «гибридной войны» не является принципиально новым в международной практике, как и выявленные методы и приемы воздействия на противника. Таким образом мы определили значение термина «военная журналистика», а также выделили качественные характеристики военной журналистики в условиях конфликта. Показали современные проблемы в институте военной журналистики: становления агрессивного журнализма как нормы и сокращение штата военных корреспондентов.

В результате методологического исследования в текстах авторов были выявлены основные методы ведения информационной войны, которые, в частности, применяются в гибридных конфликтах. Характерной особенностью освещения вооруженного конфликта на востоке Украины от 2014 года российскими и украинскими СМИ стала тактика информационной войны: форма «нападение-защита» или «обвинение-отрицание».

Анализ публицистики и журналистских материалов Прилепина и Портникова показал, что гибридные элементы ведения информационной войны присутствуют в текстах обоих авторов. Однако применение гибридных элементов у каждого из авторов происходит по различным сценариям.

Наиболее часто встречающимся и эффективным психологическим приемом в текстах Захара Прилепина мы можем назвать «панэтизм или игру на эмоциях». Портников использует совокупность наиболее эффективных

приемов воздействия – «прямое обвинение» и «дезинформацию», «подтасовка карт» и «провокацию».

Основными отличиями в текстах Портникова и Прилепина являются семантическая и лексическая составляющие. В публицистике Прилепина негативные коннотации формируются под общим атмосферным содержанием – автор открыто не выражает оценку действиям и персоналиям. Чаще всего подобное происходит с помощью ироничного отношения к событиям и комментариям персонажей, а также присутствия в тексте элементов памфлета или фельетона.

В текстах Портникова негативная коннотация выражена в лексической составляющей, которая может существовать без дополнительных семантических конструкций. В большинстве случаев подобный трансфер коннотаций не имеет ничего общего с действительностью и обладает ярко-выраженной пропагандистской направленностью. Смыслы, транслируемые в текстах Портникова, соответствуют выделенным нами в теоретической части исследования гибридным характеристикам. Таким образом журналист использует гибридные установки:

- призыв к нарушению целостности территорий другого государства;
- переписывание истории и отрицание исторического общества украинского и российского народов;
- применение методик фальсификации фактов и дезинформация местного населения (создание «фейков», порочащих память и честь другого народа);
- формирование новых ценностных ориентиров, отличных от родственных по цивилизационному признаку;
- целенаправленная социально-этническая трансформация для формирования нового политического сообщества.

В текстах журналиста Виталия Портникова гибридные техники воздействия на аудиторию не соответствуют международным стандартам военной журналистики, которые мы определили в теоретической части данной

работы. Так как его журналистские материалы не способствуют разрешению конфликта, а наоборот усиливают противостояние в информационной и вооруженной конфронтации.

Публицистика Захара Прилепина также обладает гибридными элементами. Однако ее характер не предусматривает эскалации конфликтных ситуаций, разжигания этнических конфликтов и целенаправленных социально-этнических трансформаций с целью разобщения населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.12.2019).
2. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1949 г.) Глава I. Цели и принципы (ст.ст. 1-2) Статья 2. [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540400/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 15. 01.2020).
3. Апушкин В. А. Война 1877-1878 гг. в корреспонденции в романе // Военный сборник. 1902. № 7. С.198-199.
4. Арзумян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы, концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: АНО ЦСЦ-иП, 2015. 334 с.
5. Ахмадулин Е. В. История отечественной журналистики XX века: учебник / Е. В. Ахмадулин, Р. П. Овсепян. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 416 с.
6. Баранова Е. А. Конвергентная журналистика. Теория и практика. М.: Юрайт, 2015. 201 с.
7. Бартош А. А. Модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Вестн. Москов. Гос. лингвист. ун-та. 2014. № 39. С. 9-27.
8. Беляев Д. П. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 460 с.
9. Белогуров С. Военная печать России XVIII-начала XX века // независимое военное обозрение. 1996. № 2. С.3

10. Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: Худож. Лит., 2003. 686 с.
11. Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. М.: Тип. Каткова и К°, 1858. 490 с.
12. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
13. Волковский Н. Л. История информационных войн: В 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. 508 с.
14. Газенкампф М. А. Мой дневник 1877-78 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.
15. Григорьев М. С. Евромайдан. М.: Кучково поле, 2014. 457 с.
16. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.
17. Громова Л. П. История русской журналистики XVII-XIX веков. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 672 с.
18. Данченко Л. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации. СПб.: Питер, 2013. 247 с.
19. Домин В. Н. Брендинг – обоюдное оружие современной гибридной войны // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1-3 марта 2017 г.) / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017. С. 11-14.
20. Дьякова Е. Г. Проблема конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза «agenda-setting» / Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 1999. № 1. С. 142-160.
21. Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1992. 165 с.

22. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. Брянск: Изд-во Брянск. ун-та, 2005. 800 с.
23. Жирков Г. В. Одухотворенное слово: журналистика Великой Отечественной войны: учеб. пособие по истории русской журналистики 1939–1945 годов. СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. 164 с.
24. Журбина Е. Искусство очерка. М.: Сов. писатель, 1957. 221 с.
25. Золотарев В. А. Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.
26. Иванова Р. Советская печать в годы Великой Отечественной войны / Р. Иванова, И. Кузнецов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1985. № 1. С. 14-16.
27. Иванова С. В. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет / Иванова С. В., Салимова Р. М. // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. № 3 (20). С. 1032-1038.
28. Капа Р. Скрытая перспектива. М.: Клаудберри, 2001. 280 с.
29. Ковалев А. А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру»// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Вып. 5. С. 981.
30. Кожемякин Е. А. Блогжурналистика как интердискурсный феномен / Е. А. Кожемякин, А. А. Попов // Научные ведомости. 2010. № 24. С. 201-209.
31. Колесов Э. Е. Информационная война в военных конфликтах второй половины 20 столетия: исторический аспект. К.: Национал. Акад. Обороны Украины, 2007. 345 с.
32. Комов С. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. 1996. №3. С. 76-80.

33. Кострикова Е. Г. С-Петербургское телеграфное агентство и первая русская революция // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. № 16. С. 145-152.
34. Кочуков С. А. К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов // Сер. История. Международные отношения / Известия Саратовского университета. 2011. Вып. 2. С. 64-72.
35. Кочуков С. А. Неизвестный корреспондент известной войны (военный корреспондент князь П. В. Шаховской на балканском фронте Русско-турецкой войны 1877-1878 годов) // Сер. История. Международные отношения / Известия Саратовского университета. 2013. Вып. 1. С. 15-20.
36. Крикунова В. В. Мировые СМИ – инструмент политического влияния // Обозреватель-Observer. 2012. № 4. С. 101–108.
37. Кузнецов И. Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны / И. Кузнецов, Н. Попов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика. 1975. № 2. С. 5-6.
38. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие, хрестоматия. М.: Флинта, Наука, 2002. 240 с.
39. Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. С. 114-130; №8. С. 67-78; № 12. С. 36-44.
40. Лайнбарджер П. Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания / П. Лайнбарджер; [пер. с англ. Е.В. Ламановой]. М.: Центрполиграф, 2013. 470 с.
41. Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября – 2 июля 1916). Пг.: Гос. изд-во, 1920. 859 с.
42. Лосева В. Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. 400 с.

43. Лютов С. Н. От дружинной летописи – к воинской повести: отражение начальных этапов развития военного дела в древнерусской литературе XI-XVI веков // Библиосфера. 2010. №2. С. 33-37.
44. Лютов С. Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2012. Вып. 11. С. 5-10.
45. Майкова Т. С. Военные «Юрналлы» Петровского времени (по материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века: сб. ст. М., 1969. С.368-390.
46. Маланчева Е. Из века прошлого: об истории создания «Сын Отечества» // Сын отечества. 1992. № 17. С. 2.
47. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. 1999. № 1-2. С. 130-142.
48. Месснер Е. Э. Всемирная мятежвойна. М.: Кучково поле, 2004. 512 с.
49. Мякотин В. Одна страница из новейшей истории русской печати // В защиту слова. 1905. № 1. С. 84-105.
50. Новикова С. А. Образ войны в военных корреспонденциях и публицистике Вас. И. Немировича-Данченко в период русско-турецкой (1877-1878) и русско-японской (1904-1905) войн: сюжеты и роль общественных стереотипов в его формировании // История. История Русской Православной Церкви / Вестник ПСТГУ. 2014. Вып. 1. С. 84-96.
51. Новикова С. А. Правовое положение русских военных корреспондентов во второй половине XIX – начале XX в. // Сер. 8. История / Вестник Московского университета. 2013. № 2. С. 33-44.
52. Немирович-Данченко В. И. В огне: повесть из последней русско-турецкой войны / [соч.] Вас. И. Немировича-Данченко. Киев: Ф. А. Иогансон, 1892. 179 с.
53. Огороков А. В. Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Рус. путь, 2007. 288 с.

54. Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 336 с.
55. Панюшева М. М. Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные // Серия 10. Журналистика / Вестник Московского университета. 2010. № 4. С. 111-119.
56. Пельт В. Д. Предвоенная советская печать: проблематика выступлений, совершенствование организации прессы в предвоенные годы: 1937 - июнь 1941: учеб. пособие. М.: Моск. гос. ун-т, 1974. 99 с.
57. Першин Ю. Ю. Записки о «гибридной войне» [Электронный ресурс] // Вопросы Безопасности. 2016. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19510 (дата обращения: 18.12.19).
58. Погорелый М. Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / Ред.сост. М. Погорелый и И. Сафранчук. М.: Гендальф, 2002. 253 с.
59. Пономарев Н. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь: Изд-во Перм. Гос. техн. Ун-та, 2007. 185 с.
60. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
61. Прей Э. Л. Письма из Владивостока (1894-1930). Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 464с.
62. Прудкогляд Т. В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России 1865-1917. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2000. 216 с.
63. Рубашкин А. И. Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма. М.: Сов. писатель, 1965. 245 с.
64. Салагаева Е. С. Идеология и повседневность в социально-философской рефлексии: к постановке проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. С. 299-302.

65. Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Рос. полит энцикл., 2000. 863 с.
66. Симонов К. М. В одной газете...: Репортажи и статьи 1941-1945 / Симонов К. М., Эренбург И. Г. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1979. 286 с.
67. Смыкалин А. С. Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР: монография. М.: Издательство «Русайнс», 2015. 268 с.
68. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2010. 784 с.
69. Ушанов П. В. Русскоязычная блогосфера в национальной системе СМИ // Серия: Филология. Журналистика / Вестник ВГУ. 2015. № 1. С. 143-149.
70. Филатова О. Г. Блоги и СМИ, традиционная и гражданская журналистика: соотношение понятий // Вестник СПбГУ. 2010. Вып. 4. С. 281-287.
71. Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 79-85.
72. Цыганков П. А. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века. М.: Изд-во Москов. Ун-та, 2015. 384 с.
73. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие. Онтология и методология исследования. М.: Флинта, 2014. 173 с.
74. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2007. 800 с.
75. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1971. 358 с.
76. Яковлев О. А. Военные корреспонденции в русской армии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Вестн. Ленингр. Ун-та. 1978. № 8. С. 60-63.
77. Cebrowski A. K. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future / A. K. Cebrowski, J. J. Garstka. Proceedings, 1998. 201 p.

78. Darija Fabijanic. Conflict Reporting In The Smartphone Era: from budget constraints to information warfare / Darija Fabijanic, Christian Spahr, Vladimir Zlatarsky. Berlin and Sofia: Konrad Adenauer Stiftung E.V., 2016. 66 p.
79. Deep A. Hybrid War: Old concept, New Techniques [Электронный ресурс] // Small Wars Journal. 2015. Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-war-old-concept-new-techniques> (дата обращения: 27.01.2020).
80. Caroline Fisher. The war on words: Is journalism disappearing from conflict zones? [Электронный ресурс] // ICRC International Committee of the Red Cross. Parkes, 2017. Режим доступа: <https://www.icrc.org/en/document/war-words-journalism-disappearing-conflict-zones> (дата обращения: 27.02.2020).
81. Clayman S. Tribune of the People: Maintaining the Legitimacy of Aggressive Journalism [Электронный ресурс] // Media. Culture & Society. 2002. Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/016344370202400203> (дата обращения: 15.03.2020).
82. Glenn R. W. Thoughts on Hybrid Conflict [Электронный ресурс] // Small Wars Journal. 2009. Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (дата обращения: 27.01.2020).
83. Gutman Roy. Crimes of War: What the Public Should Know / Gutman Roy, Rieff David. New York: WW Norton & Co Inc, 1999. 399 p.
84. Hoffman F. Conflict I the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington: VA Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
85. Murray W. Hybrid warfare: fighting complex opponents from the Ancient World to the present. Cambridge: Mansoor, 2012. 329 p.
86. Terriff T. Global Insurgency and the Future of Armed Conflict. Debating fourth-generation warfare / Terriff T., Karp A., Karp R. New York: Riutledge, 2008. 316 p.

87. Thomas P. R. Weapon System and Information War. Seattle: Boeing Aerospace Co., 1976. 86p.
88. Stuart Allan. Reporting War: Journalism in Wartime /Stuart Allan, Barbie Zelizer. London: Routledge, 2004. 384 p.
89. Knightley Phillip. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo. London: Prion Books, 2000. 525 p.
90. Lesser O. Countering the New Terrorism / O. Lesser, Bruce Hoffman, John Arquilla, David Ronfeldt, Michele Zanini, Brian Michael Jenkins. New York: NBN, 1999. 176 p.
91. Tami Luhby. Resources available for foreign correspondents [Электронный ресурс] // Quill Archives, 2003. Режим доступа: <https://www.quillmag.com/2003/04/29/resources-available-for-foreign-correspondents/> (дата обращения: 01.05.2020).
92. Аврамчук К. Российский писатель Захар Прилепин: Крым достался Украине совершенно случайно [Электронный ресурс] / Insider, 2014. Режим доступа: <http://www.theinsider.ua/art/rossiiskii-pisatel-zakhar-prilepin-krym-dostalsya-ukraine-sovershenno-sluchaino/> (дата обращения:14.01.2020).
93. Верховная рада отменила закон о статусе русского языка [Электронный ресурс] / РИА Новости, 2014. Режим доступа: <https://ria.ru/20140223/996527008.html> (дата обращения:13.01.2020).
94. Госкомтелерадио запретило ввоз в Украину книг Шария и Прилепина о Бузине [Электронный ресурс] / LB.ua, 2018. Режим доступа: https://lb.ua/society/2018/09/17/407686_goskomteleradio_zapretilo_vvoz.html (дата обращения:15.01.2020).
95. Дмитров И. Без России кровавое месиво было бы похлеще Донбасса / Игорь Дмитров, Владимир Шумаков // [Электронный ресурс] / Lenta.ru, 2016. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/03/16/krimref/> (дата обращения:14.01.2020).

96. Михайлова А. Суд в Москве признал события Майдана 2014 года госпереворотом [Электронный ресурс] / РБК, 2016. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/27/12/2016/586239329a794701c14f0601> (дата обращения:13.01.2020).
97. Петровская И. «Полный голимый беспредел – что мы вытворяли» [Электронный ресурс] / Новая Газета, 2019. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/20/81668-polnyy-golimyy-bespredel-что-my-vytvoryali> (дата обращения:15.01.2020).
98. Портников В. «Царь-Батюшка»: В каком мире живет Владимир Путин [Электронный ресурс] // Главред, 2013. Режим доступа: <https://glavred.info/opinions/252022-car-batyushka-v-kakom-mire-zhivet-vladimir-putin.html> (дата обращения: 19.04.2020).
99. Портников В. «Разворот» Путина на Восток: телевизионная сказка для россиян [Электронный ресурс] // Главред, 2014. Режим доступа: <https://glavred.info/opinions/295297-razvorot-putina-na-vostok-televizionnaya-skazka-dlya-rossiyan.html> (дата обращения: 19.04.2020).
100. Портников В. Чужие амбиции. Как Россия хочет проучить Украину [Электронный ресурс] // Главред, 2013. Режим доступа: <https://glavred.info/opinions/252571-chuzhie-ambicii-kak-rossiya-hochet-prouchit-ukrainu.html> (дата обращения: 19.04.2020).
101. Портников В. Кремль хочет не сотрудничества с Украиной - он требует подчинения [Электронный ресурс] // Главред, 2018. Режим доступа: <https://glavred.info/opinions/10038449-kreml-hochet-ne-sotrudnichestva-s-ukrainoy-on-trebuuet-podchineniya.html> (дата обращения: 19.04.2020).
102. Портников В. Кремль купается во лжи [Электронный ресурс] // Главред, 2018. Режим доступа: <https://glavred.info/opinions/10013303-kreml-kupaetsya-vo-lzhi.html> (дата обращения: 19.04.2020).
103. Портников В. Проблема 2036: Украине придется воевать [Электронный ресурс] // LB.UA, 2020. Режим доступа:

- https://lb.ua/news/2020/03/11/452183_problema_2036_ukraine_pridetsya.html (дата обращения: 13.03.2020).
104. Портников В. Кремль и хаос [Электронный ресурс] // LB.UA, 2019. Режим доступа: https://lb.ua/world/2019/05/22/427440_kreml_haos.html (дата обращения: 13.03.2020).
105. Портников В. Президент из подворотни [Электронный ресурс] // LB.UA, 2016. Режим доступа: https://lb.ua/news/2016/06/18/338184_prezident_podvorotni.html (дата обращения: 13.03.2020).
106. Портников В. Свобода приходит с гранатой [Электронный ресурс] // LB.UA, 2015. Режим доступа: https://lb.ua/news/2015/08/31/314783_svoboda_prihodit_granatoy.html (дата обращения: 13.03.2020).
107. Портников В. Виталий Портников: Состояние войны [Электронный ресурс] // Радио Свобода, 2016. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28187680.html> (дата обращения: 18.03.2020).
108. Портников В. Предательство Победы. Путин действительно ведет себя как Гитлер [Электронный ресурс] // НВ, 2015. Режим доступа: <https://nv.ua/ukr/opinion/predatelstvo-pobedy-putin-deystvitelno-vedet-sebya-kak-gitler-44359.html> (дата обращения: 18.03.2020).
109. Портников В. России нужен новый объект агрессии [Электронный ресурс] // НВ, 2014. Режим доступа: <https://nv.ua/ukr/opinion/rossii-nuzhen-novyy-obekt-agressii-1623.html> (дата обращения: 18.03.2020).
110. Портников В. Путин ускоряет процесс краха собственного режима [Электронный ресурс] // НВ, 2014. Режим доступа: <https://nv.ua/ukr/opinion/putin-uskoryaet-process-kraha-sobstvennogo-rezhima-25454.html> (дата обращения: 18.03.2020).
111. Прилепин З. Не чужая смута. Один день – один год. М.: АСТ, 2015. 664 с.

112. Прилепин З. Некоторые не попадут в ад: роман-фантазмагория. М.: АСТ, 2019. 382 с.
113. Путин объяснил недоверие РФ к результатам расследования по малайзийскому "Боингу" [Электронный ресурс] / Интерфакс, 2018. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/614367> (дата обращения:14.01.2020).
114. Россия ввела санкции против 322 украинцев (список) [Электронный ресурс] // delo.ua, 2018. Режим доступа: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/rossija-vvela-sankcii-protiv-322-ukraincev-347504/> (дата обращения: 20.04.2020).
115. Россия должна перестать поддерживать террористов – Яценюк [Электронный ресурс] / Новости Донбасса, 2014. Режим доступа: <https://novosti.dn.ua/news/207459-rossyya-dolzha-perestat-podderzhyvat-terrorystov-yacenyuk#> (дата обращения:14.01.2020).
116. Тимчук: Донецькі сепаратисти одержали відкоригований план дій із Кремля [Электронный ресурс] / Українська Правда, 2014. Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/news/2014/04/7/7021578/> (дата обращения:14.01.2020).
117. Як Росія збила малайзійський «Боїнг». Результати міжнародного розслідування [Электронный ресурс] / Главком, 2016. Режим доступа: <https://glavcom.ua/publications/yak-rosiya-zbila-malayziyskiy-bojing-rezultati-rozsliduvannya-375034.html> (дата обращения:14.01.2020).
118. COLTA.RU выявила культурных героев 2008–2019 годов [Электронный ресурс] / COLTA.RU, 2019. Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/10/23271-kolta-vyyavila-kulturnyh-geroev-2008-2019> (дата обращения:15.01.2020).